

ХЕЛЕН ГУДА

ЖЕНА
ПОНЕВОЛЕ
ДВУХ ДРАКОНОВ

Хелен Гуда Жена поневоле для двух драконов

<https://litres.ru/74483317>

Аннотация

Один вечер в чужом обличье должен был стать благодарностью за спасение, но обернулся смертным приговором. Меня обвиняют в убийстве и над головой уже занесен топор.

У меня есть лишь один путь к спасению — выйти замуж за первого встречного. Но что делать если их двое? Оба опасны и сильны, а еще утверждают что мои истинные.

Только они не подозревают, что это ложь и когда она вскроется — меня точно ждёт казнь!

Книга выходит в рамках литмоба "Стрелы любви"

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	8
Глава 2.	16
Глава 3.	26
Глава 4.	38
Глава 5.	48
Глава 6.	65
Глава 7.	81
Глава 8.	107
Глава 9.	119
Глава 10.	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Пролог

— Вставай, ведьма! Рассвет! Тебя ждут! – грубый окрик ворвался в мой сон, разрывая его в клочья.

Я дёрнулась, ударившись спиной о холодную каменную стену. Глаза слипались, но страх уже пробрался под кожу, разливаясь ледяной волной по венам. Вчерашний день — нет, уже целую вечность назад — я ещё надеялась, что это ошибка. Что госпожа Лирани объявится, придет и скажет: «Это была ошибка. Отпустите, Александру».

Но госпожа Лирани д'Арвиль исчезла. А я сидела в её бархатном маскарадном платье, которое теперь было измято и пропахло сыростью тюрьмы. Красный, как кровь. Как закат в тот вечер. Как пятна крови которыми была испачкана вся ее комната.

Лязгнул засов. Дверь распахнулась, и на пороге выросли две фигуры стражников. Их латы тускло блестели в свете масляной лампы, лица были грубыми, равнодушными.

— Вставай, сказано. Не заставляй ждать палача.

Один из них шагнул вперёд и грубо схватил меня за локоть. Я попыталась вырваться, но силы покинули меня ещё ночью, когда я проплакала до хрипоты, доказывая свою невиновность стенам.

— Пожалуйста... Я никого не убивала, — прошептала я, но они лишь усмехнулись.

Меня выволокли в коридор. Ноги подкашивались, красный подол платья волочился по грязному каменному полу. В ушах стучала кровь. Я слышала, как где-то далеко уже гудит толпа — они пришли смотреть. Они ждали.

Выход из тюрьмы ударил по глазам ярким утренним светом. Я зажмурилась, но тут же услышала их. Гул. Сотни, тысячи голосов слились в единый рёв.

— Убийца! Ведьма!

— Смерть ей!

— Отрубить голову!

Я открыла глаза. Площадь перед ратушей была забита людьми. Они теснились, перелезали друг через друга, чтобы лучше видеть меня. Кто-то кричал, кто-то плевался, а потом в меня полетел первый тухлый помидор. Он ударил меня в плечо, брызги гнилой мякоти попали на лицо. Я взвизгнула, но стражники лишь сильнее сжали локти.

— Так тебе и надо, красавица! — заорал кто-то из толпы, и в меня полетел огрызок яблока, затем ещё один помидор, горсть какой-то дряни.

Меня вели сквозь этот ад. Я спотыкалась, красное платье было уже испачкано, волосы растрепались, на глаза наворачивались слёзы. Я не хотела умирать. Я не хотела, чтобы всё закончилось вот так.

Меня втащили на деревянный помост. Он пах сырой землёй и железом. Палач стоял рядом — высокая фигура в капюшоне, с топором в руках. Этот топор блестел на солнце

так, что у меня подкосились ноги.

Глашатай развернул свиток и прокричал на всю площадь:
— Александра. Ты признана виновной в убийстве своей госпожи, благородной Лирани д'Арвиль! Приговор — смерть через отсечение головы! Привести приговор в исполнение немедленно!

Толпа взревела.

Я рухнула на колени. Слёзы хлынули по щекам, смешиваясь с грязью и помидорным соком. Я подняла голову, оглядывая эти злые, торжествующие лица. Я искала хоть один взгляд сочувствия, но видела только жажду крови.

— Я никого не убивала! — закричала я, и мой голос сорвался на хрип. — Клянусь жизнью! Я не убивала госпожу Лирани!

Толпа взорвалась возмущённым гулом. Кто-то засвистел, кто-то заорал: «Лгунья! Тварь! Смерть!» В меня полетел комок грязи, ударив прямо в щёку.

Стражник подошёл сзади, схватил меня за волосы и дёрнул вниз, заставляя наклонить голову. Дерево плахи было холодным и шершавым, я чувствовала запах крови — старой, вьёвшейся в древесину. Чей-то сапог грубо наступил мне на ногу, фиксируя тело.

Я зажмурилась изо всех сил. В голове пронеслось лицо госпожи Лирани, её улыбка, её последние слова: «Ты же меня не бросишь, Саша?»

Простите меня. Простите.

Я сжала зубы, молясь всем богам, в которых уже не верила. Я услышала, как палач шагнул ближе. Лязгнул металл. Толпа затихла, затаив дыхание.

И в этой звонкой, дрожащей тишине раздался мужской голос. Спокойный, уверенный, он перекрыл площадь, как удар колокола:

— Я готов взять приговорённую в жены.

Толпа ахнула. Я распахнула глаза, не веря своим ушам.

А потом, словно эхо, словно насмешка судьбы, другой голос, низкий и бархатный, подхватил:

— И я готов сделать приговорённую своей женой.

Я замерла. В груди оборвалось что-то. Я попыталась поднять голову, но стражник всё ещё держал меня за волосы. Я видела только дерево плахи, свои сжатые кулаки и чьи-то сапоги в грязи.

Глава 1.

Где я? — первый и единственный вопрос, разрывающий пустоту в голове. Ответа нет. Я в легких джинсах и тонкой футболке, абсолютно беспомощная и связанная.

Сознание возвращается не мягкой волной, а резким ледяным ударом. Нет переходов. Нет воспоминаний. Есть только сейчас: тугое жжение грубой веревки на груди и животе, дерево, впивающееся в спину, и всепроникающий, сырой запах леса — земли, прелых листьев и чего-то звериного. А из черной глубины леса вырываются голоса. Грубые, с хриплой похабностью.

– Брось, Грак, я первый её заметил! Она моя!

– Твоя? Да с чего это вдруг?

– А с того, что я ее и заметил, и по голове ударил, пока вы от страха тряслись, думали — Дам Бланш с озера шастает!

– Да какая разница, кто первый, – вставляет третий, нетерпеливый. – Делаем по-быстрому и концы в воду. Потом убежим.

Слова пробиваются сквозь страх медленно, как ледяные иглы. Насилие. Смерть. Это мой конец, назначенный в непонятном лесу.

Инстинкт вспыхивает ярче мысли. Трясаясь от холода и адреналина, я метнула взгляд в сторону. В метре от моих связанных ступней, в грязи, лежит нож. Грязный, с широким,

затупленным лезвием. Возможность. Единственная.

Мысли исчезают. Тело действует. Я вытягиваю ногу, дрожащую и почти не слушающуюся, подцепляю носком кроссовка холодный металл. Скованные руки бессильны, но ноги — ещё свободны. Мучительно, медленно, зажав нож между ступнями, поднимаю его, подтягиваю к виткам веревки на груди. Втискиваю пальцы в рукоять и благодарю небеса, что руки связаны спереди, а не за спиной.

Щёлканье ножа по волокнам. Не плавный рез, а яростное рвание, трение, борьба за каждое отдельное волокно. Веревка сопротивляется, жжется, но страх — лучшая смазка.

Первые волокна на правой руке лопаются. Я вырываю кисть, схватываю нож теперь уже пальцами, вонзаю лезвие в узлы на груди. Что-то порвалось с хрустящим звуком. Я почти падаю, но дерево держит меня спиной. Последний виток на животе. Я рванула себя со звериной силой и тут мои манипуляции заметили.

Тело, свободное, рушится на колени в холодную грязь.

— Эй, она что, шевелится?

Больше осторожничать нет смысла. Надо бежать пока в ногах есть силы.

— Держи её!

Времени нет. Я вскакиваю, нож всё ещё в руке, и бросаюсь бежать — не туда, где голоса, а в глухую, чёрную чашу. Ноги шлепают по грязи, тело бьётся о ветки, страх выжигает из горла крик, который я зажимаю зубами. За спиной взрыв

ругательств, топот, яростная погоня.

– Вот же тварь. Лови её, не дай уйти!

Я бегу, не видя пути. Лес — чёрный лабиринт, где каждое дерево становится стеной. Ветви цепляются за толстовку и кажется кое-где даже порвали ее, но я не обращаю внимания. Я бегу, а в голове крутится одна мысль: Как я сюда попала? Где я, почему здесь, почему эти люди говорят на понятном, но таком диком языке?

Топот приближается, дыхание преследователей уже почти рядом. Я вижу единственное светлое пятно в темноте — просвет между деревьями. Дорога. Или тропа. Я бросаюсь туда, выскакиваю из последних зарослей на грунтовую дорогу, утопанную колесами.

И сразу на меня — из за поворота, с грохотом и гулом — выносится что-то огромное, темное, движущееся. Карета. Массивная, черная, с блестящими металлическими частями, которые отражают тусклый свет ночи. Я застываю, замираю в последнем шаге от гибели под тяжелыми колесами.

Лошади взвивают от неожиданности.

Кучер выкрикивает резкое:

– В сторону!

Карета резко останавливается, с визгом тормозящих колес, почти касаясь моего тела.

И тут из леса вырываются они. Три человека. Грубые, в потрепанной одежде, с ножами в руках и глазами, полными злой, хищной радости.

– Ага! Вот она, беглянка! Попала прямо под колеса!

Кучер спрыгивает с козлов. У него в руках тяжелая дубинка. Я испуганно пячусь, но понимаю, что он направляется не ко мне, а к разбойникам. Быстро шмыгнула в сторону кареты, из-за которой выходят еще двое мужчин. Они были верхом на лошадях и теперь спешившись, спешат на помощь кучеру.

Без слов, с холодной, профессиональной быстротой, они встают между мной и разбойниками.

– Отойди от господской кареты, — говорит один из них.

Начинается короткая, яростная схватка. Звуки ударов мечей, крики разбойников, которые быстро превращаются в крики боли и отчаяния. Я стою, прижатая к холодной стенке кареты, всё ещё держу свой грязный нож, не в силах двинуться.

И затем дверца открывается.

Внутри, в свете небольшой масляной лампы, стоит девушка. Молодая, почти моя ровесница. Лицо с четкими, изящными чертами, большие глаза, которые сейчас выражают не страх, а острый, живой интерес. Она одета в платье — сложное, многослойное, темное с кружевами и лентами. Ткань кажется одновременно богатой и немного поношенной, будто пережившей множество событий.

Девушка выглядывает, быстро оценивает ситуацию: своих охранников, которые уже заканчивают дело с разбойниками, и меня, стоящую здесь в странных порванных штанах и тол-

стовке, с диким взглядом и ножом в руке.

— Не бойся, — говорит она. Голос чистый, твердый, но без высокомерной холодности. Она протягивает руку. — Заходи. Быстрее.

Все решения уже приняты страхом. Я бросаю нож в грязь, шагаю вперед, беру протянутую руку. Рука теплая и сильная. Я позволяю себе быть втянутой внутрь кареты, на мягкую, темную скамью.

Дверца закрывается с тихим щелчком. Внутри тихо, тепло, и пахнет деревом, кожей и чем-то сладким, как цветы — возможно, лаванда или жасмин. Девушка, которая меня пригласила, смотрит изучающим взглядом, но без угрозы.

— Ты... откуда ты такая? — спрашивает она. Она шарит взглядом по моей одежде, а на лице написан вопрос и недоумение.

Я открыла рот, но голос не слушался, застревая где-то в горле комом. Я сглотнула, пытаюсь собрать мысли в кучу. Они разлетались, как испуганные птицы.

— Меня... меня зовут Саша, — наконец выдавила я, и собственное имя прозвучало странно, будто из другой жизни. — Александра, если полностью. А откуда я...

Я замолчала, сжала руки в кулаки, чтобы они не тряслись. Как объяснить то, чего не понимаешь сам? Я начала медленно, с трудом подбирая слова.

— Я не знаю, как здесь оказалась. Я просто... очнулась. Там, в лесу. Привязанная к дереву. И в голове — пустота.

Как будто кто-то вынул все воспоминания последних... даже не знаю, часов? Дней? Последнее, что я помню...

Я зажмурилась, пытаюсь поймать хоть какой-то образ.

— Я шла домой. Был обычный вечер. Дождь. А потом... провал. И вот это. Лес, эти люди, веревки...

Я посмотрела на свою одежду, на тонкую синтетическую ткань толстовки, на прочную джинсовую ткань, такую привычную и такую нелепую здесь. И на ее платье — настоящее, сложное, сшитое, кажется, из настоящей шерсти и шелка.

— Ты... ты не с костюмированной вечеринки? — спросила я слабо, уже почти зная ответ. Никакая вечеринка не объяснила бы этой кареты, этих мечей, этого воздуха, пахнущего не выхлопами и асфальтом, а лесом, конским потом и воском.

Она медленно покачала головой, и в ее глазах мелькнуло что-то сложное — не насмешка, а скорее растущее понимание какой-то невероятной загадки.

— Нет, — тихо сказала она. — Это не костюм. Это... обычная одежда. Здесь. В Леории. А то, что на тебе..., — она осторожно протянула руку и чуть дотронулась до манжеты моей толстовки. — Эта ткань... Я такой не видела. Она какая-то... иная. И застежка эта блестящая...

Ее слова повисли в воздухе, тяжелые и неотвратимые. Я почувствовала, как холодная уверенность, что я попала в какой-то другой мир, страшнее любого страха, поползла по спине.

— Саша, — девушка произнесла мое имя мягко, будто пробуя его на вкус. — Ты сказала, что шла домой. А какой был... год?

Вопрос прозвучал так просто и так ужасно. Я прошептала ответ, прежде чем успела осознать его значение. Цифры, которые были для меня обыденностью, здесь повисли в воздухе странным, чуждым сочетанием звуков.

Она замерла. Ее глаза расширились, но не от страха. В них вспыхнул тот самый «острый, живой интерес», смешанный теперь с леденящим изумлением.

— Две... тысячи..., — она медленно повторила за мной, будто проверяя слух. Затем она откинулась на спинку сиденья, ее взгляд стал отстраненным, смотрящим сквозь меня, вглубь какой-то своей мысли. — Этого года... еще не было. И даже близко не было. По нашим летоисчислениям... сейчас идет 1272 год от Завета Предков.

Тишина в карете стала абсолютной, густой, как смола. Я слышала только стук собственного сердца в ушах и скрип колес по дороге, увозящей меня все дальше от всего, что я когда-либо знала. Я не просто заблудилась в лесу. Я провалилась сквозь время. И теперь сидела напротив девушки из далекого прошлого, которая смотрела на меня не как на беглянку, а как на пришельца. На ходячую тайну.

— Значит, это правда, — наконец прошептала она, больше глядя на темное окно, чем на меня. — Правда про Разломы...

Потом ее взгляд снова нашел меня. В нем уже не было просто интереса. Была решимость.

– Меня зовут Лирани, — сказала она. — Лирани д’Арвиль. И, боюсь, Саша, твои проблемы только начинаются. Ты попала не просто в другую страну. Ты попала в другой мир. И люди вроде тех, что были в лесу... они здесь далеко не самые страшные существа, — она наклонилась чуть ближе, и свет лампы выхватил серьезные черты ее лица. — Тебе нельзя здесь оставаться одной. Ты поедешь со мной.

Глава 2.

Прошло полгода. Шесть месяцев с того момента, как я, спотыкаясь и дрожа, ввалилась в карету Лирани д'Арвиль. Шесть месяцев, как я перестала быть Александрой, студенткой третьего курса филфака, и превратилась в Сашу — служанку обедневшей аристократки.

Я стояла в комнате Лирани, держа в руках тяжелый деревянный гребень с костяными зубьями. Вечерний свет струился сквозь узкое стрельчатое окно, затянутое мутным слюдяным листом, и падал на каменный пол, покрытый потертым тканым половиком. Комната — спальня моей госпожи — некогда была, должно быть, великолепна. Стены были украшены выцветшими гобеленами, на которых все еще угадывались сцены охоты и пиров. Высокий потолок сохранил остатки росписи — голубые небеса и золотые звезды, но краска давно облупилась, и сквозь нее проступала серая штукатурка. Тяжелые шторы из бархата, когда-то вишневого, выцвели до грязно-розового, а на подоле виднелись аккуратно заштопанные дыры.

Лирани сидела на низкой скамье перед туалетным столиком — единственной более-менее сохранившейся мебелью в комнате. Столик был старым, из темного дерева, с инкрустацией перламутром, но половина перламутровых пластинок отсутствовала, оставляя зияющие пустоты в узоре. По-

третье серебряное зеркало стояло криво, опираясь на треснутую подставку.

— Ты сегодня задумчива, Саша, — сказала Лирани, не оборачиваясь. Ее голос звучал мягко, но с той спокойной уверенностью, которую я успела узнать за эти месяцы.

— Я просто... думала, — ответила я, проводя гребнем по ее длинным темным волосам. Они были густыми, с легкой волной, и за полгода я научилась расчесывать их аккуратно, не дергая и не причиняя боли. Сначала у меня дрожали руки — от страха сделать что-то не так, от общей неуклюжести в мире, где все было чужим. Теперь движения стали уверенными, почти привычными.

Волосы Лирани мягко скользили между зубьями гребня. Я работала медленно, сверху вниз, как научилась — сначала распутывая кончики, потом поднимаясь выше.

— О чем? — спросила она.

— О том, что могло бы быть, если бы ты не остановилась тогда, — тихо сказала я. — Если бы проехала мимо.

Лирани слегка повернула голову, но я мягко коснулась ее плеча, прося замереть.

— Я уже говорила тебе, — ответила она. — Ты стояла на дороге с таким видом, будто сама судьба бросила тебя под колеса моей кареты. Я не могла не остановиться.

Она говорила так, будто это было очевидно. Но я знала, что это не так. Аристократки не подбирают с дороги замарашек в странной одежде, не рискуют, не ввязываются в драку

с разбойниками из-за незнакомки. А Лирани — ввязалась.

Я помню тот вечер так, будто он был вчера. Черный лес, холод, запах крови и пота, хриплые голоса разбойников. И потом — ее лицо в свете лампы, внимательное, решительное, без тени страха. Она впустила меня в свою жизнь, не зная, кто я, откуда, и что за мной может стоять.

— Ты рисковала, — сказала я, проводя гребнем до самых кончиков. — Ради меня. Незнакомки.

— Рисковала, — спокойно согласилась Лирани. — И не жалею.

Она протянула руку и взяла с туалетного столика маленький пузырек из темного стекла — масло для волос, которое мы готовили сами из каких-то местных трав и цветов. Я приняла его, отлила несколько капель на ладонь и втерла в концы ее волос. Запах был легкий, травянистый — я научилась его любить.

— Ты знаешь, — снова заговорила Лирани, глядя в мутное зеркало, — когда я впервые увидела твою одежду, я подумала, что ты из северных земель. У них там странные ткани, я слышала. Но потом... тот разговор о годе... Я поняла, что это нечто иное.

— Разломы, — тихо сказала я.

— Разломы, — подтвердила она.

Я узнала об этом на второй или третий день своего пребывания здесь. Лирани пришлось рассказать, потому что я не могла перестать спрашивать — о ее мире, о существую-

щей здесь магии, о том, как такое возможно. Она рассказала мне о Разломах — трещинах в ткани мира, которые иногда открывались между землями, между мирами, между временами. Большинство из них были мелкими, бесполезными или смертельно опасными. Но иногда — редко, но достаточно, чтобы стать легендой — через Разлом проходил человек. Или существо.

— У нас говорят, что Разломы — это раны Старых Богов, — сказала Лирани в тот вечер, когда я впервые услышала эту историю. Мы сидели в ее комнате, и она пила горячий травяной чай, а я куталась в плащ, который она мне одолжила. — Разрывы между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. Через них приходят чужаки. И почти всегда — с бедой.

— Почему с бедой? — спросила я тогда.

— Потому что они нездешние, — просто ответила она. — Их мысли, их знания, их тела — все другое. И они приносят хаос. Поэтому... — она помолчала. — Поэтому тех, кого находят у Разломов, отправляют на каторгу. В рудники Эйсвальда, где от тяжелой работы умирают за год. Или на стены Северного Тракта, строить оборонительные башни. Живыми оттуда не возвращают.

У меня похолодела спина, когда я это услышала. Тогда я впервые поняла, насколько близка была к смерти — и не только от рук разбойников в лесу. Если бы меня нашел кто-то другой, если бы меня привели в город, к властям... Меня бы ждала каторга. Или что-то похуже.

— Ты могла сдать меня в храм, — сказала я тогда, глядя на Лирани. — Или стражникам.

— Могла, — кивнула она. — Но я не стала.

— Почему?

Она посмотрела на меня долгим взглядом — тем самым, пронизывающим, от которого мне казалось, что она видит меня насквозь.

— Потому что я увидела твои глаза, — просто сказала она. — Не безумные глаза убийцы или беглого каторжника. Глаза девочки, которую выбросило в чужой мир и которая не понимает, что происходит. Я не могла сделать вид, что не видела этого.

Сейчас, полгода спустя, я расчесывала ее волосы, и эта сцена стала нашим ежевечерним ритуалом. В этом замке, в Леории, где я была никем — Самозванцем, Чужачкой, Другой — я нашла не просто убежище. Я нашла человека, который не смотрел на меня как на заразу.

— Знаешь, — сказала я, откладывая гребень и начиная заплетать ее волосы в косу, — я ведь не умела ничего, когда появилась здесь. Ни готовить, ни стирать, ни заплетать косы. Твоя экономка, Агнесс, чуть не выгнала меня из кухни в первый же день, когда я сказала, что не умею чистить рыбу.

Лирани тихо засмеялась — низким, грудным смехом, который я редко слышала, но который любила больше всего.

— Агнесс всех так встречает, — сказала она. — Она сурова, но справедлива. Она научила меня управляться с хо-

зьяйством, когда матушка умерла.

Я не знала, что ответить. За эти полгода я узнала многое о Лирани, но о своей семье она говорила редко и скупно, с какой-то горькой осторожностью. Я знала, что ее мать умерла от долгой болезни, когда Лирани была совсем юной. А отец, лорд д'Арвиль — был жив. И это, пожалуй, было хуже, чем если бы он погиб.

Жив, здоров и почти всегда пьян. Когда-то родовое поместье д'Арвилей процветало: земли давали хороший урожай, в конюшнях держали породистых лошадей, а замок славился своими приемами. Теперь от бывшего великолепия остались только пыльные портреты предков в галерее да протекающая крыша, которую нечем чинить. Лорд д'Арвиль проиграл почти все: сначала урожайные поля, потом леса, потом право на торговлю с соседями. Карты, кости, дешевое вино и сомнительные компании — вот во что ушли золото и земли. Лирани осталась одна, с титулом и долгами, с пустыми закромами и отцом, который теперь требовал только одного: чтобы она нашла себе богатого мужа и поправила положение семьи.

— Ты не обязана оставаться, — вдруг сказала она, перебивая мои мысли. — Если захочешь уйти — я не стану держать.

Я замерла. Коса почти готова, оставалось завязать ее лентой. Я взяла с туалетного столика ленту — выцветшую, голубую, застиранную до бледности, но все еще красивую. Обер-

нула вокруг конца косы, затянула узел.

— Уйти? — переспросила я, встретившись с ее взглядом в мутном зеркале. — Куда, Лирани?

Она молчала.

— В этом мире меня ждет только каторга, — продолжила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Или смерть. Ты знаешь это лучше меня. Если я выйду за стены этого замка без твоей защиты... меня найдут. И отправят на рудники. Или к ворожеям Багрового Храма, чтобы узнать, откуда я.

Лирани вздохнула. Ее плечи опустились — я видела это даже в отражении.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной, — сказала она тихо. — Это нечестно по отношению к тебе. У меня... у нас здесь скоро может не остаться дома. Отец вчера снова приезжал из города. — Ее голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Он нашел кандидата. Лорда Эшворда. Вдовца, которому пятьдесят два, с тремя детьми и дурной репутацией. Но у него золотые прииски на севере. Отец сказал, что если я откажусь, он продаст последние земли и вышвырнет нас обеих на улицу. Меня — и тебя вместе со мной.

Я опустилась на колени рядом с ее скамьей, так, чтобы видеть ее лицо. В полутьме комнаты ее кожа казалась бледной, а глаза — темными и глубокими, как вода в колодце.

— Лирани, — сказала я, беря ее руки в свои. Ее пальцы были прохладными, с мозолями у основания — от перьев и бумаги, потому что она вела счета сама, экономя на писцах,

и от тяжелой работы — потому что в конюшне давно не было конюха, а на кухне — повара. Только Агнесс, которая состарилась на службе у д'Арвилей, и я, которую Лирани подобрала на дороге. — Ты не держишь меня как пленницу. Ты дала мне кров, еду, одежду. Ты научила меня всему, что я знаю об этом мире. Ты рисковала ради меня. И если твой отец решит выгнать нас обоих — мы что-нибудь придумаем. Вдвоем.

Она посмотрела на меня. Ее взгляд был серьезным, изучающим — как в самую первую ночь, когда она втянула меня в карету.

— Ты правда останешься? — спросила она. — Даже если я стану женой старика с приисками и меня увезут на север?

— Если ты станешь его женой, — медленно сказала я, — то я поеду с тобой. Как служанка. Как подруга. Как кто угодно. Ты не избавишься от меня так легко.

Она слегка улыбнулась — не той широкой улыбкой, которую я иногда видела, когда она смеялась над шутками Агнесс, а той маленькой, уголками губ, которая означала настоящее тепло.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда, служанка моя, собери мне постель. Завтра рано вставать. Отец сказал, что лорд Эшворд приедет на смотрины через три дня. Надо успеть подготовить замок — хотя бы парадный зал, чтобы он не развалился у гостя на глазах.

Я улыбнулась в ответ, хотя на душе скребли кошки.

— Слушаюсь, госпожа.

Я встала и подошла к кровати — массивной конструкции из темного дерева, с высокими резными столбиками, которые когда-то поддерживали балдахин. Сейчас балдахин сняли — ткань истлела, и ее не на что было заменить. Остался только деревянный остов, да тяжелые шерстяные одеяла, которые мы застилали поверх соломенного тюфяка.

Я взбила подушку — на ней была свежая наволочка, которую мы с Агнесс постирали позавчера. Поправила простыни, расправила одеяло.

Лирани подошла к кровати, скинула домашние туфли и забралась под одеяло. Я помогла ей устроиться, укрыла до подбородка.

— Спокойной ночи, Саша, — сказала она, закрывая глаза.

— Спокойной ночи, Лирани, — ответила я.

Я задула масляную лампу — единственную в комнате, потому что свечи стоили дорого и их берегли. Тьма накрыла комнату, только тонкая полоска лунного света пробивалась через ставни.

Я вышла, прикрыв дверь, и прижалась спиной к холодной каменной стене коридора. В замке было тихо, пахло сыростью и старой древесиной. Где-то внизу, в кухне, еще возилась Агнесс — я слышала приглушенный звон посуды. А где-то в восточном крыле, наверное, уже храпел лорд д'Арвиль, вернувшийся из города в очередном угаре.

Полгода. Полгода, как я перестала быть человеком своего

мира. И полгода, как стала чьей-то служанкой.

Я спустилась вниз, в маленькую комнатку рядом с кухней — мою комнату. Она была крошечной, с узкой койкой, деревянным стулом и сундуком, в котором лежала моя одежда — два платья, сшитых на заказ деревенской портнихой, поношенный плащ Лирани и пара башмаков. В углу стоял глиняный кувшин с водой.

Я села на кровать, обхватив колени руками. И позволила себе думать о том, что прятала глубоко внутри все эти месяцы.

Мой мир. Моя семья. Моя жизнь.

Я помнила улицы, залитые дождем, помнила запах кофе по утрам в студенческой столовой, помнила голос мамы, когда она звонила по вечерам. Помнила, как переписывалась с однокурсниками, как ругалась с преподавателями, как засыпала под шум города за окном.

И я никогда уже этого не увижу. Не вернусь. Даже если Разлом откроется снова — они отправят меня на каторгу. Я не могу вернуться. Я навсегда здесь.

— Ты справишься, Саша, — прошептала я в темноту. — Вы справитесь. Вдвоем.

Глава 3.

На следующее утро я проснулась от запаха каши и дыма. Сквозь щели в ставнях пробивался серый утренний свет — небо за окном было тяжелым, низким, обещало дождь к обеду.

Я быстро умылась, натянула платье — то, что попроще, для работы по дому — и поднялась наверх, чтобы разбудить Лирани. Но ее комната уже была пуста: постель аккуратно застелена, подушка взбита, а на туалетном столике стояла пустая кружка из-под воды.

Значит, она уже встала. Я спустилась в кухню.

В кухне было жарко — Агнесс разожгла очаг еще затемно, и сейчас над огнем висел закопченный котелок с кашей. Сама Агнесс, грузная седая женщина с морщинистыми руками и вечно недовольным лицом, резала черствый хлеб на деревянной доске.

Лирани сидела за длинным столом, подперев щеку рукой, и рассеянно водила пальцем по трещине в столешнице. Перед ней стояла миска с кашей, почти нетронутая.

— Доброе утро, — сказала я, садясь напротив.

— Доброе, — отозвалась она, не поднимая глаз.

Я взяла свою миску — Агнесс молча плеснула туда каши и поставила рядом ломоть хлеба. Я поблагодарила кивком. Мы с Агнесс давно научились понимать друг друга без слов.

— Ты не спала? — спросила я тихо, чтобы Агнесс не слышала.

— Спала, — ответила Лирани. — Плохо. Думала.

Я понимающе кивнула. Я тоже думала полночи, ворочаясь на жесткой койке, пока не услышала, как где-то в восточном крыле запел петух. Только тогда провалилась в короткий, тревожный сон.

— Он приедет через три дня, — сказала Лирани, понижая голос. — Эшворд. Я не знаю, как мне быть. Если я откажусь, отец действительно вышвырнет нас. А если соглашусь... — она замолчала и сжала ложку так, что костяшки побелели.

— У нас есть три дня, — тихо сказала я. — Может, что-нибудь придумаем.

Она горько усмехнулась и наконец подняла на меня глаза. Под ними залегли тени — видно, она и правда почти не спала.

— Что мы можем придумать? У нас нет ни денег, ни влияния, ни оружия. Только старый замок с дырявой крышей да долги, которые копятя быстрее, чем я успеваю их записывать.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кухни распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

На пороге стоял лорд д'Арвиль.

Я видела его всего несколько раз за эти полгода — он редко показывался в замке, предпочитая пропадать в городе или уезжать по делам, которые, как я подозревала, большей

частью состояли из карточных партий и попоек. Но сейчас он стоял перед нами — высокий, когда-то, видимо, статный мужчина, но теперь обрюзгший, с красным лицом и мутными глазами. Одежда на нем была дорогая, но мятая, от него разило перегаром и потом.

— Доброе утро! — объявил он с порога, широко улыбаясь. Улыбка вышла кривой, неровной — не хватало нескольких зубов.

Агнесс фыркнула и отвернулась к очагу. Лирани напряглась и выпрямилась на скамье.

— Отец, — произнесла она ровным голосом, в котором не было ни радости, ни приветствия. — Ты рано вернулся из города. Я думала, ты пробудешь там до конца недели.

— Дела, дела! — лорд д'Арвиль прошел к столу и тяжело опустился на скамью напротив дочери, едва не опрокинув мою миску. Я поспешно отодвинулась. Он даже не взглянул на меня — для него я была пустым местом, мебелью, которую Лирани притащила неизвестно откуда. — У меня для тебя хорошие новости, девочка моя!

Лирани медленно положила ложку.

— Ты вчера уже обрадовал меня новостью о лорде Эшворде, — сказала она с плохо скрываемой горечью. — Если это еще одна такая же «хорошая новость», я, пожалуй, не выдержу.

Но отец только отмахнулся толстой рукой. Он расстегнул ворот камзола — видно, ему было душно — и полез во внут-

ренный карман.

— Эшворд? А, Эшворд. Да плевать на Эшворда. — Он вытащил сложенный лист пергамента, пожелтевший и мятый, и помахал им перед лицом дочери. — Вот это — настоящая новость! Письмо! От моего старинного друга!

— От друга? — переспросила Лирани, и в ее голосе мелькнуло удивление. — У тебя есть друзья, отец?

Лорд д'Арвиль не заметил колкости — или сделал вид, что не заметил. Он развернул письмо и, щурясь, пробежал его глазами — видимо, уже читал не раз, по дороге из города.

— Мы с ним служили вместе в молодости, — сказал он, и в голосе его мелькнуло что-то похожее на ностальгию. — Славные были времена. А теперь он при дворе, в большой силе. И знаешь, что он пишет?

— Что? — голос Лирани звучал настороженно.

— По велению короля, два знатных рода драконов решили женили своих сыновей, — торжественно объявил лорд д'Арвиль. Он с размаху хлопнул ладонью по столу, так что подпрыгнули миски. — Это высочайшее повеление! Старшие дома хотят укрепить союз через брак!

Лирани побелела.

— Что? — переспросила она. Голос ее сорвался. — Отец... ты хочешь сказать...

— Хочу сказать, что мы завтра же едем в столицу! — перебил он, сияя. Лицо его покраснелось еще сильнее — от выпитого или от возбуждения, непонятно. — Собирайся, де-

вочка моя! Надо женить тебя, и повыгоднее! Эшворд — что Эшворд? Старик с приисками. А тут — дом драконов! Древняя кровь, связи, золото! Если ты понравишься его сыну, мы снова встанем на ноги! Ты меня поняла?

Лирани смотрела на него так, будто он ударил ее по лицу.

— Отец, — произнесла она медленно. — Ты хочешь отправить меня в столицу, к незнакомому человеку, в дом драконов, где меня никто не знает? Чтобы я вышла замуж за того, кого даже не видела?

— А что такого? — лорд д'Арвиль пожал плечами. — Меня тоже женили без моего спроса. И ничего, прожил как-то. И ты проживешь. Главное — чтобы брак был выгодным. А это наш шанс, Лирани! Понимаешь? Шанс вернуть все, что мы потеряли!

— Это не шанс, — тихо сказала она. — Это торг. Ты торгуешь мной, как скотом на ярмарке.

— Не будь душой! — рявкнул отец, и кухня мгновенно затихла. Даже Агнесс перестала греметь посудой. — Ты думаешь, у нас есть выбор? Ты видела, в каком состоянии замок? Ты видела счета? Мы по уши в долгах! Если ты не выйдешь замуж за богатого человека, мы потеряем все! Крыша над головой! Земли! Титул! Ты этого хочешь?

Лирани молчала, сжав губы.

Лорд д'Арвиль встал, скомкал письмо и сунул его обратно в карман.

— Завтра на рассвете выезжаем, — сказал он уже спокой-

нее, но с металлическими нотками в голосе. — Я уже распорядился насчет лошадей. Ты, твоя служанка, — он наконец кивнул в мою сторону, не глядя, — и Агнесс. Соберите все ценное, что можно продать или заложить в столице. Мы едем надолго.

Он развернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из кухни, громко топая сапогами по каменному полу.

Тишина повисла тяжелая, как крышка гроба.

Лирани сидела неподвижно, глядя в одну точку перед собой. Потом медленно, очень медленно, выдохнула.

— Саша, — сказала она тихо. — Кажется, у нас больше нет трех дней.

Я проглотила застрявший в горле комок.

— Значит, завтра на рассвете мы едем в столицу, — сказала я.

— Едем в столицу, — эхом повторила Лирани. И горько усмехнулась. — Полуразвалившийся замок, долги, пьяный отец и никакого приданого. Драконы будут в восторге, когда увидят такую невесту.

Я протянула руку через стол и сжала ее пальцы.

— Посмотрим, кто кого, — сказала я тихо, но твердо.

— Посмотрим, кто кого, — повторила Лирани, и в голосе ее проскользнула горькая усмешка. — Легко говорить, когда не твою судьбу решают за карточным столом.

Я убрала руку, но взгляда не отвела. В кухне снова слышался звон посуды — Агнесс, которая все это время сто-

яла неподвижно, наконец вернулась к работе. Она гремела умышленно громко, давая нам ложную иллюзию приватности.

— Идем, — я встала и протянула Лирани руку. — Пойдем собираться. Если завтра на рассвете выезжать, нам нужно успеть перебрать твои платья.

Лирани поднялась, будто скинув с плеч невидимый груз, и молча направилась к лестнице. Я пошла следом.

Мы поднялись в ее комнату. Серая утренняя полудрема уже развеялась — через окно пробивался тусклый, но настойчивый свет, освещаая каждую трещину на стенах, каждую вытертую нитку на ковре. Лирани подошла к деревянному сундуку в углу, откинула тяжелую крышку. Внутри лежало несколько платьев — аккуратно сложенных, но поношенных. Два из них были штопаны у ворота, одно — перешиито из материнского гардероба.

— Красивые вещи, — сказала я, подходя ближе.

— Когда-то были красивыми, — ответила Лирани, проводя пальцем по выцветшей ткани. Она осторожно вытянула одно платье, синее, с узкой серебряной каймой по подолу. Когда-то, наверное, оно стоило целое состояние. Сейчас серебро потускнело, а на рукавах остались следы от капнувшего на него воска.

Она молча сложила платье обратно, потом вдруг резко хлопнула крышку и села на сундук, закрыв лицо руками.

— Саша, — сказала она глухо, сквозь пальцы. — Я не вер-

нусь сюда.

Я замерла. Сказать, что это было неожиданно — ничего не сказать. Я подошла и опустилась перед ней на корточки, заглядывая в лицо.

— Лирани... откуда такая уверенность?

— Я чувствую, — ответила она, отнимая ладони от лица. В глазах стояли слезы, но она сдерживалась. — Отец не просто так сказал «надолго». Он выставит меня на торг перед всеми знатными родами столицы. И если я не подойду драконам — найдет другого. Или подарит кому-нибудь в уплату долга. Он не остановится.

— Ты драматизируешь, — мягко сказала я, но в горле стоял ком.

— Ничуть, — твердо ответила она. — Ты не знаешь моего отца так, как знаю я. Он уже однажды проиграл меня в карты. Когда я была маленькой. Тогда выигравший оказался порядочным человеком и простил долг. Но в этот раз такого может не случиться.

У меня перехватило дыхание.

— Он... проиграл тебя?

Лирани криво усмехнулась и провела рукой по крышке сундука.

— Я же говорю: для него я — товар. А товар можно продать, обменять, проиграть. Единственное, чего он боится по-настоящему — это остаться без гроша. И поэтому он везет меня в столицу, как козу на ярмарку. Искать того, кто даст

больше.

Я сжала ее пальцы.

— Мы же поедем вместе. И посмотрим, что это за столица и что это за «драконы».

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнула благодарность.

— Ты правда поедешь? Даже зная, что нас, скорее всего, ждет?

— Я же обещала, — просто ответила я. — Куда ты — туда и я. Сама говорила: вдвоем мы справимся.

Лирани слабо улыбнулась — одной из тех своих редких, теплых улыбок — и сжала мою руку в ответ.

— Тогда помоги мне упаковать вещи, — сказала она, вставая. — Надо взять самое необходимое. Платья, белье, гробень и зеркало. Агнесс займется провизией.

Я кивнула и подошла к сундуку, чтобы помочь перебирать вещи.

— Слушай, — сказала я, вытаскивая одно из платьев — светло-зеленое, с вышивкой по вороту. — Может, это и к лучшему? Ну, подумай: в столице знатные рода, приемы, балы. Лорд Эшворд — вдовец, старый, с дурной репутацией. А тут — молодые отпрыски древних домов. Есть из чего выбирать.

Лирани, которая разворачивала на кровати шерстяную шаль, остановилась и медленно повернула голову.

— Ты правда думаешь, что мне от этого легче? — спро-

сила она тихо. — Что если вместо одного старика мне предложат десяток молодых, но чужих — это счастье?

Я замялась.

— Я не говорила про счастье. Я сказала — есть из чего выбрать.

— Выбирать не из чего, — отрезала Лирани. Она швырнула шаль на кровать и повернулась ко мне. — Потому что я не хочу выбирать. Я не хочу выходить замуж за богатого незнакомца, пусть даже молодого и красивого, только чтобы отец был доволен и крыша не текла. Я хочу... я хочу влюбиться, Саша. По-настоящему.

Я молчала, держа платье на весу.

— Ты смеешься? — спросила она, вытирая глаза рукавом. — Думаешь, это глупо? Я — обедневшая аристократка из разорившегося рода, без приданого, без связей, с отцом-пьяницей, и говорю о любви. Как девчонка из баллады.

— Я так не думаю, — тихо ответила я. — И не смей так говорить.

Лирани покачала головой.

— Даже если бы я и захотела... у них свои правила. Ты знаешь, драконы — не просто знатный род. Это... древняя кровь. У них свои обычаи. Мне рассказывала мать, когда была жива.

Я насторожилась.

— Какие обычаи?

Лирани вздохнула, села на край кровати и устало провела

рукой по лицу.

— Драконы, настоящие драконы — те, кто может обращаться — они берут в жены только тех, кто помечен. У избранной невесты на теле должен проступить символ. Знак. Говорят, это древняя магия, которая выбирает сама.

Я моргнула.

— Какой символ?

— Чешуя, — тихо сказала Лирани. — Тонкий узор, похожий на рыбу чешую, но другой. Он проявляется при касании. Если девушка чиста кровью и духом — или если так решит сила дракона — знак загорается на коже. И если он не проступает, брак невозможен. Дракон не может взять в жены ту, кого не выбрала его кровь.

Некоторое время я просто смотрела на нее.

— А если не проступит?

Лирани усмехнулась, и в усмешке этой было столько горечи, что мне захотелось обнять ее.

— Если знак не проступит, союз считается пустым. Тогда девушку могут отослать обратно с позором, или выдать за кого-то из младших ветвей, или — если отец наймет хороших сватов — попытаться обменять на деньги. Но в дом драконов ее уже не возьмут.

Она замолчала, глядя в пол. Потом едва слышно добавила:

— У нас в роду никогда не было драконьей крови. Ни капли. Я — обычная. И знак на мне не проступит. Я это знаю. Отец, возможно, тоже знает, но ему плевать. Он надеется,

что если я хотя бы понравлюсь, они оставят меня как наложницу или жену для кого-то из младших. Лишь бы деньги потекли.

Я подошла и села рядом с ней на кровать.

— Лирани, — сказала я, — послушай. Я не знаю, что будет в столице. Я вообще ничего не знаю о ваших драконах, символах и обычаях. Но я знаю одно: ты — не товар. И если выбирать — выбирать тебе. Не отцу. Не драконам. Тебе.

Она повернулась и взглянула на меня долгим взглядом.

— Спасибо, — прошептала она. — За эти слова. Даже если они ничего не изменят.

— Изменят, — сказала я твердо, хотя внутри всё дрожало от неуверенности. — Поверь мне.

Лирани кивнула, вытерла слезы и встала.

— Тогда давай упаковывать вещи, — сказала она. — Если завтра на рассвете ехать — нам многое предстоит.

Глава 4.

Дорога заняла четыре дня. Четыре дня тряски в старой карете, которая скрипела так, будто грозила развалиться на каждом ухабе. Четыре дня дождей, грязи, холодных ночевок на постоянных дворах, где клопы кусались злее дворовых собак, а еда была хуже той, что Агнесс подавала в замке в самые голодные дни.

Лорд д'Арвиль ехал верхом — или, точнее, держался в седле, то и дело прикладываясь к фляге. К вечеру второго дня он был уже настолько пьян, что свалился с лошади, и нам пришлось вдвоем с возницей затаскивать его обратно. Лирани сидела в карете, поджав губы, и смотрела в окно пустыми глазами.

К столице мы подъехали на рассвете четвертого дня.

Я выглянула в щель между занавесками и замерла. Город раскинулся перед нами, как огромный каменный цветок — башни, шпили, черепичные крыши, уходящие за горизонт. Над всем этим возвышалась Императорская цитадель — массивное сооружение из белого камня, с флагами, что хлопали на ветру. А за ней, на самом высоком холме, стоял Драконий Чертог — резиденция домов крови.

— Красиво, — выдохнула я.

— Красиво, — эхом отозвалась Лирани, но в голосе ее не было восхищения. Только усталость.

Карета нырнула в ворота, и мы оказались внутри. Улицы были узкими, мощеными булыжником, стены домов нависали так близко, что почти смыкались над головой. Пахло дымом, жареным мясом, лошадиным навозом и еще чем-то сладким — то ли цветами, то ли духами прохожих.

Мы ехали долго. Чем дальше от центра, тем уже становились улицы, тем грязнее — под ногами, ниже — дома, тем подозрительнее — лица прохожих.

Наконец карета остановилась перед трехэтажным домом из серого камня. Когда-то он, наверное, был добротным — но теперь штукатурка облупилась, ставни висели криво, а у крыльца не хватало двух ступеней.

— Приехали, — объявил возница, спрыгивая с козел. — Хоромы графини д'Арвиль.

Лорд д'Арвиль — уже протрезвевший после утренней оплеухи от Агнесс — спрыгнул на землю и оглядел дом с выражением брезгливого удовлетворения.

— Сойдет, — сказал он. — Наследство от покойной тетки. Давно здесь никто не жил. Разберитесь.

Он поднялся по шатким ступеням, толкнул дверь, и та с жалобным скрипом отворилась.

Внутри было хуже, чем снаружи.

Пыль — толстым слоем на полу, на мебели, на подоконниках. Паутина свисала с люстры, как погребальные ленты. В камине — гнездо какой-то птицы, судя по помету — уже обжитое. Мебель стояла, но обивка на креслах была порва-

на, а деревянные панели на стенах кое-где отошли и висели, как старая кожа.

— Боги, — выдохнула Агнесс за моей спиной.

Я промолчала.

Лорд д'Арвиль прошел вглубь гостиной, пнул ногой кучу мусора в углу и повернулся к нам.

— Значит, так, — сказал он, уперев руки в бока. — У нас есть три дня до первого приема у лорда-канцлера. За это время вы обе — он ткнул пальцем в меня и Агнесс — должны привести этот дом в такой вид, чтобы в нем можно было принимать благородных господ. Я хочу, чтобы пол блестел, паутина исчезла, а эта рухлядь — он кивнул на мебель — хотя бы не рассыпалась, когда на нее сядут. Понятно?

Я переглянулась с Агнесс.

— Мы не успеем за три дня, — сказала я ровно. — Здесь работать неделю.

— Значит, вы будете работать по ночам, — отрезал лорд д'Арвиль. — Мне плевать, как вы это сделаете. Спите по часу, но чтоб к приему дом сиял.

— Я буду помогать, — раздался голос Лирани.

Она стояла в дверях, бледная после дороги, с темными кругами под глазами, но с таким выражением лица, что я на миг узнала в ней прежнюю Лирани — ту, что в дождь вытащила меня из колеи.

— Что? — лорд д'Арвиль повернулся к дочери. — Ты будешь помогать? Ты — леди д'Арвиль! Твое дело — выгля-

деть достойно и молчать, когда нужно!

— Я буду помогать, — повторила Лирани, и голос ее дрогнул, но не сломался. — Саша и Агнесс не должны делать всю работу сами.

— Мне плевать, что ты будешь делать, — рявкнул отец, шагнув к ней. Лирани не отступила. — Главное, чтобы, когда нужно будет, ты выглядела нормально. А не как служанка! Ты меня поняла?

На миг мне показалось, что Лирани ответит. Но она только опустила глаза и тихо сказала:

— Да, отец.

Лорд д'Арвиль удовлетворенно кивнул. Развернувшись и, нахвистывая, вышел на улицу — видимо, искать ближайшую таверну.

В гостиной повисла тишина.

Я медленно выдохнула, оглядывая горы пыли, паутину и ободранные стены. Агнесс уже развязывала узелок с тряпками и щетками, бормоча под руку проклятья.

Лирани стояла неподвижно, глядя на облупившийся потолок.

— Прости, Саша, — сказала она наконец. — Я не думала, что здесь будет настолько...

— Ничего, — перебила я, закатывая рукава. — Я же обещала: куда ты — туда и я. Даже если это значит отмывать дом, в котором не жили лет десять.

Она слабо улыбнулась.

— Тогда давай за работу.

И мы взялись за тряпки.

Первые два часа мы просто выносили мусор.

Я нашла в кладовке ржавое ведро и пару мешков, которые когда-то, наверное, были белыми. Агнесс молча вручила мне метлу с обломанной ручкой и указала на угол гостиной, где пыль лежала слоем в палец толщиной. Лирани, не говоря ни слова, повязала поверх платья старый передник, найденный в том же сундуке, и взялась за подоконники.

Мы работали молча. Только скрип щеток, шорох тряпок да кашель от поднятой пыли нарушали тишину. К полудню мы разобрали первый этаж — вымели пыль, собрали паутина с потолка длинной палкой с привязанной тряпкой, выбросили птичье гнездо из камина.

— Нам нужен трубочист, — сказала Агнесс, заглянув в каминный зев и понюхав воздух. — Там сажа выросла так, что если затопить — весь дом в дыму будет.

Лирани посмотрела на меня.

— У нас есть деньги?

— Есть немного, — ответила я, вспомнив, что перед отъездом смогла выручить пару медяков, в селении, что было у замка. — Но хватит ли на трубочиста в столице?

— В столице все дорого, — вздохнула Агнесс. Она вытерла пот со лба и, подумав, добавила: — Но я знаю, где искать. Улица Кожевников, третий дом от угла. Там живет старый мастер. Он работал в замке, пока не ослеп на один глаз. Бе-

рет недорого и делает честно.

Я вызвалась сходить. Лирани хотела пойти со мной, но я сказала, что ей лучше остаться — если в дом заявится отец, пусть видит, что она работает, и не придирается.

Город днем оказался еще более шумным и тесным, чем из окна кареты. Я пробиралась по узким улочкам мимо телег, разносчиков, нищих и собак, пока не нашла дом на улице Кожевников. Мастер — сухой сморщенный старик с бельмом на левом глазу — согласился прийти за два медяка и кусок хлеба. Хлеб у меня был с собой, так что сделка состоялась.

К вечеру камин был прочищен. Дым пошел ровный и легкий, и Агнесс, удовлетворенно хмыкнув, затопила его, чтобы просушить стены. Тепло начало расползаться по дому, и вместе с ним — ощущение, что мы не в заброшенной развалине, а в месте, которое можно сделать домом.

Я таскала воду из колодца во дворе. Лирани мыла полы в спальнях наверху. Агнесс орудовала на кухне — она нашла старый чугунок, отскребла его песком и поставила греться воду. К закату кухня уже была чистой, на плите булькал суп из остатков провизии, что мы взяли в дорогу, а на столе лежал каравай хлеба, купленный у разносчика с утра.

Мы собрались в гостиной, когда солнце уже село. Там, где утром лежала пыль веков, теперь пахло деревом, золой и чистотой. Пол был влажным после мытья, из камина тянуло теплом, а на ободранных креслах лежали свежие ветки — Агнесс принесла их с рынка еще утром, сказав, что мята от-

пугивает моль.

Ужинали молча. Суп был жидковат, хлеб — черствым, но после такого дня он казался роскошью. Я смотрела, как Лирани ест — медленно, словно через силу, и как Агнесс, несмотря на усталость, следит за ней, подкладывая еще кусок хлеба, когда та съедает свой.

Лорд д'Арвиль так и не появился. Ни к ужину, ни к ночи.

— Он найдет таверну, — сказала Лирани, не поднимая глаз от миски. — И будет там, пока деньги не кончатся. Или пока кто-нибудь не пришлет за ним.

Я отложила ложку и откинулась на спинку стула. Голова гудела от усталости, руки ныли, но в груди было тепло — от еды, от камина, от того, что день прошел не зря.

— Завтра надо заняться мебелью, — сказала я, глядя на кресла. — Обивка...

— Всю мебель, — хмыкнула Агнесс, — можно выбросить и купить новую. Но это деньги. А денег нет.

— А если не выбрасывать? — спросила я, прищурившись. Я обошла кресло со всех сторон, пощупала ткань. — Каркас крепкий. Пружины, кажется, целы. Если снять старую обивку и перетянуть новой тканью — будет как новое.

Лирани подняла на меня удивленный взгляд.

— Ты умеешь перетягивать мебель?

— Не умею, — честно призналась я. — Но умею шить. У нас в... моем мире мебель иногда обивают заново. Я видела, как это делают. Принцип тот же — снять старую ткань,

выкроить новую по ее форме, прибить мебельными гвоздиками.

Агнесс скептически хмыкнула, но в глазах ее мелькнул интерес.

— А где взять ткань? — спросила Лирани. — Хорошая ткань стоит дорого. А дешевая будет выглядеть... дешево.

— Конечно, — кивнула я. — Но если мы купим материю оптом, на все кресла сразу, и подберем цвет, который будет смотреться благородно, даже если ткань не самая дорогая... Темно-синий, например. Или бордовый. Это скроет потертости самой мебели и будет выглядеть достойно при свечах.

Лирани задумалась. Потом медленно кивнула.

— Темно-синий, — сказала она. — С серебряной каймой. Как у моего платья. Это цвета дома д'Арвиль.

Агнесс хмыкнула громче.

— Серебряная кайма — это уже не оптом. Это деньги, леди.

— Без каймы, — поправилась она. — Просто темно-синий. Но хорошей добротной ткани.

Я кивнула.

— Значит, нужно попросить у твоего отца денег на ткань. Завтра утром.

Повисла пауза. Лирани сжала край передника.

— Он не даст.

— Почему? Это для дела. Если нас будут принимать лорды — мы должны выглядеть достойно. И дом — тоже.

— Он не даст, — повторила Лирани. — Он скажет: «Есть кресла — сидите на них. Или на полу. Мне плевать, главное — ты».

Я стиснула зубы. Она была права. Но сдаваться я не собиралась.

— Тогда не будем просить, — сказала я. — Скажем так: если он хочет, чтобы на приеме знатные гости не побрезговали сесть в его доме — пусть раскошелится. Это не прихоть. Это вопрос твоей репутации. А значит, и его кошелька.

Агнесс хмыкнула одобрительно. Лирани слабо улыбнулась — впервые за этот долгий день.

— Ты умеешь убеждать, Саша.

Я пожала плечами.

— Просто знаю, что сказать. Лорды везде лорды. Им важно, как выглядит их гостиная.

Мы еще немного посидели у камина, обсуждая план на завтра. Агнесс сказала, что с утра сходит на рынок, разузнает цены на ткань. Лирани пообещала написать список платьев, которые ей понадобятся на приемах, чтобы понять, что нужно докупить. Я вызвалась с самого утра поймать лорда д'Арвиля до того, как он уйдет в таверну, и поговорить с ним о ткани.

Когда свечи догорели, мы разошлись по комнатам. Мне досталась маленькая каморка на втором этаже — бывшая комната прислуги, с узкой койкой, продавленным матрасом и треснутым окном, выходящим во двор. Но постельное бе-

лье, которое Агнесс достала из сундука, пахло лавандой, и это было важнее всего остального.

Я лежала, глядя в потолок, и слушала, как ветер гуляет по карнизу. Где-то вдалеке лаяли собаки. В доме было тихо, но не пусто.

Я закрыла глаза и провалилась в сон — глубокий и без сновидений.

Глава 5.

Следующее утро выдалось серым и сырым. Я проснулась от холода — окно в каморке не закрывалось плотно, и сквозняк тянул по полу, забираясь под тонкое одеяло. За окном моросил дождь, и стены дома пахли сыростью, которую мы вчера так старательно выводили.

Я оделась, умылась ледяной водой из ведра на кухне и вышла на первый этаж, как раз когда входная дверь хлопнула. Лорд д'Арвиль ввалился в дом — с мокрыми волосами, помятый, от него разило перегаром так, что даже вчерашняя пыль показалась бы ароматом роз.

Он не ожидал меня увидеть. На миг замер, моргнув мутными глазами, а потом скривился.

— Чего встала? Работай давай!

— Нам нужно поговорить, — сказала я, перегораживая ему путь к лестнице.

— О чем? — он попытался обойти меня, но я шагнула в сторону. — С дороги, девка!

— О деньгах.

Он остановился. Уставился на меня так, будто я попросила луну с неба. Медленно, с нажимом, он проговорил:

— Ты. У меня. Просишь. Деньги?

— Не для себя, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все дрожало. — На дом. На мебель. На ткань для

платьев Лирани. На еду. Мы не сможем принимать гостей в голых стенах, а Лирани не может выходить в свет в том, в чем она приехала.

— Ах, не может? — он усмехнулся, шагнул ко мне ближе, и я почувствовала запах перегара вперемешку с потом. — А кто ты такая, чтобы указывать, что может леди д'Арвиль, а что нет? Ты — никто. Ты — мусор, который моя дочь подобрала на дороге.

В груди вспыхнула злость, но я сдержалась.

— Я та, кто вчера вытаскивал твои кресла из грязи годами копившейся пыли, — сказала я. — Я та, кто мыл полы руками, пока ты пил в таверне. И я та, кто сейчас стоит между тобой и позором на приеме у лорда-канцлера.

Он замахнулся. Я не отшатнулась. Удара не последовало — он лишь сжал кулак и опустил руку, тяжело дыша.

— Наглая тварь, — процедил он сквозь зубы. — Я тебя приютил. Я тебя кормлю. Я мог бы сдать тебя властям. И никто бы не спросил, кто ты и откуда. Просто закрыли бы в башне и забыли.

— Мог бы, — согласилась я, глядя ему в глаза. — Но не сдал. И знаешь почему?

Он прищурился.

— Просвети.

— Потому что если кто-то узнает, что лорд д'Арвиль укрывал в своем доме подозрительную девицу без документов и рода, да еще привез ее в столицу на прием к лор-

ду-канцлеру — тебе тоже несдобровать. В лучшем случае — скандал и потеря расположения. В худшем — обвинение в сговоре с неизвестными силами. А это уже не просто позор, это ссылка. Или казнь.

Он побелел. Не от страха — от ярости. Я видела, как желваки заходили на его скулах, как пальцы сжались в кулаки снова. На миг мне показалось, что он все-таки ударит. Но он только выдохнул, шумно и зло, и процедил:

— Ты хоть понимаешь, что я могу тебя из дома вышвырнуть прямо сейчас? И никто не спросит, куда ты делась.

— Можешь, — я кивнула. — Но тогда Лирани останется одна. А кто будет шить ей платья и таскать воду, чтобы она могла умыться перед выходом в свет? Агнесс одна не справится, а нанять новую прислугу у тебя нет денег.

Он дернул щекой.

— Откуда ты знаешь, сколько у меня денег?

— Догадалась, — и я окинула рукой дом, намекая, что если бы у него были деньги, то мы бы не поселились в таких условиях.

Повисла тишина. Дождь барабанил по крыше, где-то на кухне звякнула посуда — Агнесс уже встала и гремела чунками.

Лорд д'Арвиль смотрел на меня так, будто видел впервые. Не как служанку, не как мусор, а как противника, который оказался опаснее, чем он думал.

— Сколько? — выдохнул он наконец.

— Что — сколько?

— Сколько тебе нужно?

Я перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, но я заставила себя говорить спокойно и четко.

— Ткань на обивку шести кресел и двух диванов. Ткань на два новых платья для Лирани и хотя бы одно для выхода в свет для себя — я не могу сопровождать ее в лохмотьях. Посуда — та, что есть, треснутая и щербатая. Еда на неделю. И мелочь на хозяйственные нужды — свечи, мыло, нитки, гвозди.

Он слушал, и с каждым моим словом лицо его становилось все мрачнее. Но он не перебивал.

— Ты понимаешь, — сказал он тихо, — что я мог бы купить на эти деньги хорошую лошадь?

— Лошадь не поможет твоей дочери выйти замуж за лорда, — парировала я. — А обставленная гостиная и достойный наряд — помогут.

Он долго молчал. Потом запустил руку во внутренний карман камзола и вытащил кожаный кошель — тяжелый, с монетами, которые звякнули так, что у меня сердце пропустило удар. Отсчитал несколько монет, и на ладони его сверкнуло серебро и даже одна золотая.

— Вот, — он сунул монеты мне в руку. — Трать с умом. Если увижу, что ты их пропила или проиграла — будешь иметь дело со мной. И не надейся, что Лирани заступится.

— Не пропью, — ответила я, сжимая монеты в кулаке. —

И не проиграю, — мысленно добавив, что я не он, чтобы так тратить деньги.

Он развернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился. Не оборачиваясь, бросил:

— И запомни, девка. Если подвернется случай — любой случай — я тебя со свету сживу. Ты здесь только потому, что моя дочь зачем-то к тебе привязалась. Будь моя воля — я бы уже сдал тебя в Первый отдел, и пусть бы они разбирались, откуда ты взялась и что ты такое. Так что скажи спасибо Лирани. И не забывай, кому обязана жизнью.

Он вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась известка.

Я стояла посреди гостиной, сжимая в руке монеты, и чувствовала, как дрожат колени. Но на губах проступила улыбка.

Деньги у меня.

Теперь осталось не подвести.

На кухне загремела крышка, и из-за двери показалась голова Агнесс.

— Дал?

— Дал, — ответила я, разжимая кулак.

Агнесс посмотрела на серебро и золото в моей ладони и присвистнула.

— Ну, девка, — сказала она, вытирая руки о фартук. — Теперь мы развернемся.

Мы с Агнесс быстро перекусили вчерашним супом, и я

поднялась на второй этаж — к Лирани. Она уже встала и, сидя перед маленьким треснутым зеркалом, расчесывала волосы. Увидев меня в дверях, она обернулась, и в глазах ее мелькнул вопрос.

— Получилось? — спросила она тихо.

Я разжала кулак и показала монеты. Лирани ахнула, прикрыв рот ладонью.

— Боги... он дал?

— Дал, — я улыбнулась. — Но лучше нам уйти по-быстрому, пока он не передумал и не вернулся отбирать.

Лирани вскочила, и мы принялись собираться. Оделись в самое лучшее, что у нас было: я надела свое единственное приличное платье — темно-зеленое, без кружев, но чистое и без заплаток. Лирани выбрала серо-голубое, простое, но с вышивкой по вороту — единственное, в котором можно было показаться в городе, не краснея. Драгоценностей у нас не было, но Лирани заколола волосы серебряной заколкой — последней памятью о матери.

Мы вышли под мелкий дождь, закутавшись в накидки, и направились к рыночной площади. Агнесс осталась в доме — доваривать мыло и разбирать кухонную утварь, но на прощание сунула мне список лавок, где торгуют честно и не обманут. Ее прежняя служба в столице должна была нам сослужить хорошую службу.

Рынок гудел. Под навесами и в крытых рядах кипела жизнь: торговцы зазывали покупателей, пахло специями, ко-

жей, мокрой шерстью и свежим хлебом. Мы прошли мимо мясных рядов, мимо корзин с овощами, мимо старухи, что продавала сушеные травы, и наконец остановились у лавки с тканями.

Внутри было тепло и сумрачно. Рулоны ткани громоздились на стеллажах до потолка — от грубой мешковины до мягкого шелка, от серого сукна до темно-бордового бархата. За прилавком стоял пожилой торговец с лупой в глазу — он проверял нить на прочность и, завидев нас, отложил работу.

— Чего желаете, госпожи?

Я шагнула вперед.

— Нам нужна плотная ткань для обивки мебели. Темно-синяя. Добротная, но не слишком дорогая.

Торговец окинул нас взглядом — оценивающим, но без презрения. Кивнул и полез на стремянку, доставая тяжелый рулон. Ткань оказалась плотной, с легким льняным блеском — благородно, но без излишеств. Я пощупала край: добротная, не осыплется, не разлезется в первый же сезон.

— Сколько за метр? — спросила я.

— Восемь медяков.

Я мысленно прикинула. Дешевле, чем я боялась, но если брать сразу на всю мебель, выйдет прилично.

— Мы возьмем на шесть кресел и два дивана, — сказала я. — Сколько нужно?

Торговец прищурился, быстро посчитал что-то в уме.

— Метров двенадцать, если с запасом. Плюс подушки на

диван... Тринадцать — чтобы наверняка.

— Идет.

Я отсчитала монеты, стараясь не выдать дрожи в руках. Торговец сноровисто отмерил ткань, свернул в плотный рулон и перевязал бечевкой.

— Куда доставить, госпожа?

Я назвала адрес. Он кивнул, записав его на клочке бумаги углем.

— К вечеру будет.

Мы вышли из лавки, и я перевела дух. Первая часть плана выполнена.

— Остались платья, — сказала Лирани, и в голосе ее прозвучала тревога.

Мы направились к рядам, где торговали нарядными тканями. Здесь уже было иначе — ярче, пестрее, в окнах висели образцы кружев и лент. Цены тоже были другими. Я приценилась к отрезку темно-синего шелка — в тон будущей гостиной — и почувствовала, как внутри все сжалось. Даже самый скромный отрез стоил половину того, что осталось.

— Это дорого, — тихо сказала Лирани, будто прочитав мои мысли.

— Да, — честно ответила я. — Если мы купим ткань и будем шить сами — мы просто не успеем. До приема два дня. Даже если шить ночами и не спать — мы не сделаем два платья, да еще и сами. Руки отпадут на второй час.

— А наемная швея — это еще дороже, — вздохнула Ли-

рани.

— А если не шить? — спросила я, оглядывая улицу. — Что если купить готовое?

— Готовое? — Лирани удивленно подняла бровь. — В столице есть лавки готового платья. Но это... Это для горожанок. Для тех, кто не бывает при дворе. Там не шьют по фигуре и берут дешево.

— А если мы возьмем основу, а потом доработаем? — я уже лихорадочно соображала. — Переделаем, — поправи-лась я. — Купим простые платья, а сверху добавим ткань, кружево, драпировку. Сделаем вид, что так и задумано.

Лирани задумалась. Потом медленно кивнула.

— Швеи в домах крови не раз так делают — берут старую основу и перешивают. Но чтобы с покупного...

— А чем мы хуже? — я улыбнулась. — Пошли.

Лавка готового платья нашлась в конце улицы — неброская вывеска, манекены в простых, но опрятных нарядах. Внутри пахло крахмалом и сухими травами. Хозяйка — круглолицая женщина с быстрыми глазами — встретила нас без подобострастия, но и без пренебрежения.

— Чего ищете? — спросила она, окинув взглядом наши поношенные платья, но промолчала.

— Нам нужно два платья для выхода в свет, — сказала я. — Одно для леди, одно для меня. Неброские, но чтобы фигуру держали.

Хозяйка кивнула и повела нас вдоль вешалок. Платья бы-

ли простыми: без вышивки, без кружев, без изысков. Добротное сукно, аккуратные швы — но не более того. Лирани перебирала их с сомнением на лице.

— Это же просто... мешок, — прошептала она мне.

— Основа, — поправила я. — Смотри: если мы возьмем вон то, темно-синее — оно простого кроя, но ткань хорошая. А если докупить отрез шелка, отрезать от него полосу и сделать драпировку от плеча к поясу, заколоть брошью — будет смотреться как дорогой наряд.

Лирани посмотрела на меня с новым уважением.

— Ты правда так умеешь?

— Я много чего умею, — усмехнулась я. — В моем мире была мода на все винтажное и хендмейд. Я разбираюсь.

Она не поняла половины слов, но кивнула.

Мы купили два платья — темно-синее для Лирани и темно-зеленое для меня, простое, но с хорошей посадкой. Заплатили, забрали свертки и вернулись в ту же лавку, где брали обивочную ткань. Я быстро выбрала отрез тонкого шелка цвета слоновой кости — он будет красиво контрастировать с темно-синим — и еще один, цвета старого золота, для себя. Еще выбрали ленты и кружево. Торговец, узнав нас, только хмыкнул и завернул покупку без лишних слов.

Мы вышли на улицу, нагруженные свертками, и вдохнули влажный воздух. Дождь почти перестал, но небо оставалось серым.

— Мы справимся, — сказала я, скорее себе, чем Лирани.

— Осталось только задрапировать.

И в этот момент я услышала крик. Громкий, резкий, полный ужаса.

— Берегись!

Я обернулась и увидела, как с улицы, что шла под уклон, прямо на нас несется карета. Лошади — обе в мыле, с выпученными глазами — мчались, не разбирая дороги. Возница орал, пытаясь натянуть вожжи, но было поздно — карету занесло на мокрой мостовой, и она летела прямо на нас с Лирани.

Я застыла. Свертки выпали из рук. Лирани вскрикнула и зажмурилась.

В следующую секунду чьи-то руки схватили нас обеих за плечи и рванули в сторону, к стене дома. Я ударилась спиной о шершавый камень, свертки рассыпались по грязи, а мимо, в дюйме от моего лица, пронеслось колесо, высекая искры из булыжника.

Карета прогрохотала дальше, визжа тормозами, и исчезла за поворотом. Голоса на улице взорвались криками — кто-то ругался, кто-то молился, кто-то уже бежал помогать вознице.

А я стояла, прижатая к стене, и чувствовала, как тяжело дышит тот, кто нас спас.

Я повернула голову.

Рядом стоял юноша. Лет двадцати пяти, не старше. Светлые волосы, падающие на лоб, серые глаза, в которых еще не угасла тревога. Одет просто, но опрятно: темная куртка,

белая рубашка, высокие сапоги. Не аристократ — но и не бедняк. Руки, которыми он все еще держал нас за плечи, были сильными, в мозолях — но не грубых, а скорее рабочих, привычных к ремеслу.

— Целы? — выдохнул он, переводя дух.

Лирани рядом со мной мелко дрожала, прижимая руки к груди. Я кивнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Целы... Спасибо вам.

Он отпустил наши плечи, шагнул назад и, нагнувшись, начал собирать с мостовой наши разлетевшиеся свертки — все, что мы с таким трудом купили. Отряхнул от грязи, сложил аккуратно и протянул нам.

— Вам повезло, что я оказался рядом, — сказал он, и в голосе его послышалась мягкая усмешка. — Эти лошади могли вас затоптать.

— Повезло, — эхом отозвалась я, все еще не до конца придя в себя.

Он посмотрел на наши свертки, потом на меня, потом на Лирани и, помедлив, спросил:

— Вы далеко живете? Давайте я провожу вас. С такими покупками в руках и на такой улице — мало ли что еще случится.

Я переглянулась с Лирани. Она все еще была бледна, но в глазах ее мелькнула благодарность.

Я кивнула.

— Спасибо. Нам — в сторону северных кварталов. Там, у Птичьего рынка.

Юноша улыбнулся — легко и открыто — и подхватил самые тяжелые свертки.

— Тогда пошли. Меня, кстати, зовут Марк.

Я помедлила, но ответила:

— Саша, — представилась и хотела уже представить Лирани, как леди д'Арвиль, но не успела.

— Лирани, — просто представилась леди д'Арвиль и выразительно посмотрела на меня.

Он не выказал удивления, не поклонился. Только кивнул, будто мы встретились в таверне, а не у стен города, и сказал:

— Приятно познакомиться, Саша, Лирани.

И мы пошли — по мокрым камням, мимо оживающих лавок, через город, который с каждой минутой казался мне чуть менее чужим.

Мы шли по мокрым камням молча. Марк шагал рядом, легко неся наши свертки, и я то и дело ловила себя на том, что украдкой его разглядываю. Светлые волосы, чуть тронутые влагой, падали на лоб. Серые глаза смотрели вперед спокойно и уверенно. В нем не было той нарочитой любезности, к которой я уже начала привыкать в этом мире — он просто помогал, без заискивания, без ожидания награды.

— Вы давно в столице? — спросил он, не оборачиваясь.

— Третий день, — ответила я.

— И уже успели попасть под карету, — усмехнулся он. —

Хорошее начало.

— Мы не попадали, — возразила Лирани, и в голосе ее послышалась тень прежней гордости. — Это карета на нас понеслась.

— Я и не спорю, — легко согласился Марк. — Но в столице такое бывает. Лошади пугаются, возницы пьют, колеса ломаются. Жить здесь — значит всегда смотреть по сторонам.

— А вы здесь живете? — спросила я.

— Родился и вырос, — он кивнул. — В южном квартале, у реки. Отец был мастеровым по металлу, я у него учился. Теперь вот сам скоро смогу открыть дело.

— Скоро? — переспросила я.

— Через два месяца заканчиваю учение, — в голосе его послышалась гордость. — Получу звание мастера. Сниму мастерскую. Буду делать заказы на задвижки, решетки, подсвечники — что дадут.

Он говорил об этом просто, без рисовки, и я вдруг остро почувствовала разницу между нами. Он знал, кто он, знал, чего хочет, и шел к этому. А я — я даже не знала, в каком мире проснусь завтра.

— Это достойное ремесло, — сказала я тихо.

Он улыбнулся — тепло, открыто.

— Спасибо. Но вы-то чем занимаетесь? Вы явно не торговли и не служанки.

Я замерла. Лирани рядом со мной тоже напряглась.

— Почему вы так решили? — спросила я осторожно.

— Руки, — коротко ответил он. — У торговков руки в ссадинах от грубых тканей и веревок. У служанок — от воды и щелока. У вас — чистые, только иглой работали. И говорите вы не как простолюдинки.

Я переглянулась с Лирани. Она чуть заметно покачала головой, и я поняла — не надо, не говори.

Я промолчала.

Марк, кажется, не придавал этому значения. Он просто шел рядом, неся наши свертки, и рассказывал о городе — где купить дешевле, где не стоит появляться после заката, у какого булочника самый свежий хлеб. И я слушала, и впервые за эти дни мне было спокойно.

Мы дошли до нашего квартала, когда дождь разошелся с новой силой. Марк остановился у калитки со стороны черного входа, аккуратно поставил свертки на сухое место под навесом.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — У меня еще работа. Но вы будьте осторожны, слышите? В столице мало кто бросится спасать незнакомок.

— Спасибо, Марк, — сказала я искренне. — Вы спасли нам жизнь.

Он махнул рукой.

— Ничего особенного.

— Не, особенное, — тихо сказала Лирани, и в голосе ее послышалось что-то, чего я раньше не слышала.

Марк посмотрел на нее — на миг дольше, чем следовало, — и улыбнулся.

— Берегите себя, Лирани. И вы, Саша.

Он развернулся и ушел, быстро шагая по мокрой мостовой, подставляя лицо дождю. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, а потом повернулась к Лирани.

— Что это было?

— Что? — Лирани поправила накидку, старательно пряча взгляд.

— Почему ты не сказала, кто ты? Он явно принял нас за горничных, которые вышли за покупками для госпожи. Ты — леди д'Арвиль. Твоя семья — древний род. Ты могла бы просто сказать ему, кто ты, и он бы поклонился, как полагается.

Лирани помолчала. Потом ответила тихо, почти шепотом:

— А что бы это изменило? Знатность — это ничто, когда у тебя нет денег. Если судить по положению, Марк богаче нас. У него есть ремесло, скоро будет своя мастерская. Он сам зарабатывает на жизнь. А я... — она горько усмехнулась. — У меня есть только титул. И долги отца.

Я смотрела на нее и не узнавала. Передо мной стояла не та испуганная девушка, что плакала в пыльной гостиной, а кто-то другой — кто начинал видеть мир таким, какой он есть.

— Лирани, — сказала я осторожно. — Ты что, хочешь сказать, что он тебе понравился?

Она покраснела. Сильно — до корней волос, до самых

кончиков ушей.

— Что за вздор! — выпалила она, хватая свертки. — Он просто помог нам, вот и все. Нам нужно скорее приниматься за шитье, у нас всего два дня до приема! И мебель перетянуть надо, и платья переделать, и...

Она говорила и говорила, но я уже не слушала. Я смотрела, как она краснеет и прячет глаза, и понимала: кажется, я только что стала свидетельницей чего-то очень важного.

Леди Лирани д'Арвиль, последняя надежда разоренного рода, влюбилась в простого мастерового.

И я понятия не имела, хорошо это или плохо.

Глава 6.

Я проснулась на рассвете с ощущением, что спина превратилась в одну сплошную боль. Вчерашний вечер мы провели за иголками — я драпировала платья, Лирани шила шторы, и мы обе уснули за полночь, не разгибаясь. Но сегодня нужно было закончить с мебелью, и я, наскоро проглотив кусок хлеба с сыром, взялась за работу.

Перетяжка кресел оказалась делом куда более трудоемким, чем я предполагала. Старую обивку пришлось сдирать чуть ли не ножом — она держалась на добротных гвоздях, которые вбивались, кажется, на века. Агнесс помогала мне, подавая инструменты и придерживая ткань, пока я натягивала ее на спинки и сиденья. Пальцы ныли, ладони горели, но я упрямо продолжала.

— А ты умеешь обращаться с молотком, — заметила Агнесс с одобрением в голосе. — Не каждая леди с этим справится.

— Я не леди, — буркнула я, забивая очередной гвоздь. — И никогда ею не была.

К полудню я закончила. Шесть кресел и два дивана стояли вдоль стен темно-синими рядами, и гостиная преобразилась до неузнаваемости. Лирани, закончившая шторы последним стежком, помогла мне повесить их — тяжелый бархат лег глубокими складками, скрыв старые облупившиеся рамы на

окнах и добавив комнате благородного сумрака.

Мы отошли к двери и замерли, глядя на результат.

— Это... невероятно, — выдохнула Агнесс. — Госпожа, это же настоящая дворцовая гостиная.

Лирани молчала. Она смотрела на комнату, и в глазах ее стояли слезы.

— Мама бы гордилась, — прошептала она.

Я положила руку ей на плечо.

— Мы справимся. Остался только завтрашний прием.

— Жаль, матушка не увидит, — тихо сказала Лирани и вздохнула.

— Я уверена, она бы гордилась, — повторила я и сжала ее плечо. А потом я услышала шаги.

Тяжелые, неуверенные. Скрип лестницы. И голос — громкий, чуть хриплый, с привычными нотками самоуверенности.

— А ну-ка, дайте посмотреть!

Лорд д'Арвиль вошел в гостиную, покачиваясь. От него пахло вином — несильно, но заметно. Он был вчера в городе и, судя по всему, не терял времени даром. Одет он был в сюртук, который, кажется, никогда не знал утюга, и при галстуке, съехавшем набок.

Он остановился на пороге, обвел комнату мутным взглядом и... замер.

— Это... вы сделали? — спросил он медленно, будто не веря своим глазам.

— Мы, отец, — ответила Лирани тихо. — Саша шила драпировку, я — шторы. Мы купили ткань на те деньги...

— Да-да, я помню, — перебил он нетерпеливо. — Я помню.

Он подошел к одному из кресел, провел ладонью по обивке. Потом оглянулся на шторы, на диваны, на меня — и вдруг широко улыбнулся.

— Хорошо! — сказал он громко. — Очень хорошо! Теперь это похоже на дом, а не на сарай! — Он хлопнул в ладоши и повернулся к Лирани. — А у меня для тебя, дочь, хорошие новости!

Лирани вздрогнула. Я заметила, как она побледнела.

— Хорошие новости? — переспросила она с плохо скрытой тревогой. — Отец, каждый раз, когда ты говоришь "хорошие новости", мне потом хочется провалиться сквозь землю. Твои хорошие новости обычно означают, что мы должны кому-то еще тысячу монет или что наш единственный родственник женился на танцовщице из таверны.

— Ну зачем ты так, — обиделся лорд, но обида в его голосе звучала скорее наигранно. — На этот раз новости и вправду отличные.

Он подошел к ней ближе, положил руки ей на плечи. Лирани напряглась, но не отстранилась.

— Тобой заинтересовались два знатных рода, — сказал он, и голос его зазвучал торжественно. — Это я узнал сегодня в городе. Граф Норвудский и барон Лейтер ищут невест

для своих наследников. И, по слухам, оба обратили внимание на наш дом.

Лирани замерла.

— Что?..

— Ты слышала, — лорд д'Арвиль сиял. — Завтра на приеме тебе нужно будет познакомиться с наследником каждого из них, Лирани. Ты должна произвести впечатление. Выбрать — и тогда мы снова встанем на ноги. Понимаешь? Мы снова будем при дворе! Ты станешь графиней или баронессой — и все долги останутся в прошлом!

Лирани смотрела на отца, и я видела, как по ее лицу разливается бледность. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла. Вместо этого по ее щеке покатилась слеза. Потом еще одна.

— Лирани, — лорд нахмурился. — Что с тобой? Это же радостная весть!

— Радостная? — голос ее сорвался. — Ты называешь это радостным, отец? Ты хочешь, чтобы я выбрала себе мужа за один вечер? Ты хочешь продать меня, как... как мебель, которую мы только что перетянули?

— Лирани! — лорд повысил голос. — Не смей так говорить! Это вопрос чести семьи!

— Чести семьи? — она всхлипнула. — А как же моя честь? Моя жизнь?

Она замолчала, прижала ладони к лицу и — развернувшись — выбежала из комнаты. Я слышала, как стучат ее ша-

ги по лестнице, как хлопает дверь ее спальни на втором этаже.

В комнате повисла тишина. Лорд д'Арвиль стоял, растерянно глядя на дверь, в которую только что выбежала его дочь. Агнесс опустила глаза и принялась собирать обрезки ткани, делая вид, что ее здесь нет.

— Что это с ней? — спросил он растерянно, глядя на меня. — Я же стараюсь для нее. Для нас всех.

Я посмотрела на него — на этого пожилого, пропахшего вином человека, который, кажется, искренне не понимал, что только что сделал.

— Она испугалась, милорд, — сказала я тихо. — Встретить незнакомого человека и решить свою судьбу за один вечер — это страшно.

— Но так принято, — возразил он, но без прежней уверенности. — Все леди так выходят замуж.

— Все леди, — повторила я. — Но она — не все. Она — ваша дочь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и вышел, бормоча что-то про "женские капризы".

Я осталась одна в гостиной, среди темно-синей красоты, которую мы создали с таким трудом, и чувствовала, как в груди разрастается холод. Завтрашний прием обещал быть не просто испытанием — он мог разбить сердце Лирани окончательно.

Я постояла в гостиной еще минуту, глядя на темно-синие складки штор, и поняла, что мне нужно чем-то занять руки. Иначе я просто начну думать — а думать сейчас было о чем, и мысли эти были одна тяжелее другой.

— Агнесс, — позвала я. — Пойдем на кухню. Нужно приготовить Лирани что-то успокаивающее. И я умираю с голоду.

Агнесс кивнула, отложила обрезки ткани, и мы вместе спустились в полуподвальное помещение, где располагалась кухня. Здесь было тесно, темно, но чисто — Агнесс, успела прибраться между делами и создать уют. В очаге тлели угли, над ними висел закопченный чайник.

— Садись, Саша, — сказала Агнесс, указывая на табурет у грубо сколоченного стола. — Я быстро управлюсь. У меня есть сушеная мята и мелисса, я заварю. Моя бабка всегда говорила, что мята — лучшее средство от сердечной тоски.

Я села, наблюдая, как ловко она управляется с огнем, как заваривает травы в глиняном кувшинчике. От пара потянуло свежестью, терпким запахом луговых трав.

— Бедная наша девочка, — вздохнула Агнесс, помешивая отвар. — Госпожа Лирани. Она же совсем дитя еще, а на нее уже столько свалилось. Матушку потеряла, отец в долгах, дом разваливается... И теперь еще это.

— Что — это? — спросила я, хотя знала ответ.

— Замужество, — Агнесс покачала головой. — Она же никого не знает, Саша. Ни графа этого, ни барона. А выхо-

дить замуж — это ж не гостей принимать. Это жизнь делить. Детей рожать. А она даже не влюблена ни разу не была, я точно знаю.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

Агнесс усмехнулась, и в усмешке этой было столько мудрой грусти, что я вдруг остро осознала: эта женщина видела здесь все. Она была свидетельницей и лучших дней этого дома, и худших.

— Когда девушка влюблена, она светится, — сказала Агнесс просто. — Она иначе дышит. Госпожа Лирани никогда не дышала иначе. Она всегда была послушной, правильной девочкой, которая делала, что велят. А любовь — она непослушная. Она приходит, когда не ждут, и рушит все планы.

Я молчала, глядя, как Агнесс разливает отвар по чашкам. Слова ее отозвались во мне чем-то знакомым. Я тоже когда-то думала, что любовь должна быть правильной. А потом поняла, что правильного в ней нет ничего.

— А теперь ее хотят выдать замуж по расчету, — продолжала Агнесс, ставя чашку передо мной. — И она пойдет. Потому что она хорошая дочь. И будет терпеть. И родит наследников. И состарится в чужом доме, ни разу не узнав, каково это — когда сердце бьется быстрее от одного взгляда.

Я взяла чашку, грея руки о теплую глину.

— Ты думаешь, это так важно? — спросила я тихо. — Любовь?

Агнесс посмотрела на меня с удивлением.

— А ты как думаешь, Саша? Ты же из другого мира. Ты не здешняя. Ты знаешь что-то, чего мы не знаем. Скажи мне — там, откуда ты пришла, женщины выходят замуж по любви?

Я задумалась. В моем мире — да, многие выходили. Но и разводились тоже многие. И страдали от одиночества. И плакали по ночам, потому что "любовь" оказалась не такой, как в книжках.

— По-разному, — ответила я честно. — Иногда по любви. Иногда по расчету. Иногда по глупости. Но знаешь, Агнесс... я думаю, что хуже всего — не иметь выбора. Когда за тебя уже всё решили.

— Вот именно, — кивнула Агнесс. — Вот именно это я и говорю.

Она протянула мне небольшую корзинку, прикрытую чистым полотенцем.

— Возьми. Тут хлеб есть, но он черствый. Сходи на задний двор, там мальчишка-лоточник у забора торгует, я видела утром. Купи свежий. И масла возьми у меня в погребе, в глиняном горшке. Отнеси госпоже Лирани. Хлеб с маслом и чай — она хоть поест, а то отошала совсем.

Я взяла корзинку и вышла во двор.

День был серый, но дождь прекратился. Воздух пах мокрой листвой и углями. Я обогнула дом и вышла к калитке, где и правда торчал худой мальчишка с лотком, накрытым холстиной.

— Свежий хлеб, госпожа! — затараторил он. — Только

из печи! Белый, ржаной, с тмином!

Я купила буханку — теплую, еще пахнущую печью, и сунула ее в корзинку. Уже собиралась вернуться, как вдруг краем глаза заметила движение.

На соседней улице, у водостока, стоял Марк.

Он просто стоял, прислонившись плечом к стене, и смотрел в сторону нашего дома. В руках он держал яблоко, надкусывал его, но жевал рассеянно, будто мысли его были заняты совсем не едой.

Он не увидел меня — я стояла в тени навеса, и он смотрел выше, на окна второго этажа. На окна, за которыми была комната Лирани.

Я замерла, наблюдая за ним. Он простоял так еще минуту, потом вздохнул, отбросил огрызок и пошел прочь, сунув руки в карманы.

Я смотрела ему вслед, и в груди у меня теплело. Агнесс сказала, что Лирани никогда не была влюблена. Но, может быть, всё только начиналось?

Я вернулась на кухню, взяла у Агнесс горшочек с маслом, положила всё в корзинку и поднялась на второй этаж.

Лирани сидела на кровати, сжавшись в комок. Она не плакала — просто смотрела в стену пустыми глазами. Платье ее было смято, волосы растрепались.

— Я принесла чай, — сказала я тихо, присаживаясь рядом. — И хлеб с маслом. Поешь.

— Я не голодна, — ответила она безжизненно.

— Ты должна есть, — я поставила корзинку на тумбочку.

— Завтра важный день.

— Завтра меня продадут, — поправила она, и в голосе ее не было злости. Только усталость.

Я помолчала, а потом сказала то, что вертелось на языке с момента, как я увидела Марка у водостока.

— Я вышла за хлебом на задний двор. И видела Марка.

Лирани вздрогнула. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

— Он стоял на соседней улице и смотрел на наш дом. На твои окна.

— Зачем ты мне это говоришь? — голос ее дрогнул.

— Потому что, — сказала я тихо, — он не просто так там стоял. Он ждал. Высматривал. Он хочет тебя увидеть.

Лирани повернулась ко мне, и в глазах ее стояли слезы — другие, не те, что раньше. В них было что-то похожее на надежду.

— И что мне это дает? — спросила она шепотом. — Завтра я должна выбрать между графом и бароном. А Марк... он простой мастеровой. У него нет титула. Нет земель. Нет денег.

— У него есть сердце, — сказала я. — И он на тебя смотрит так, как ни один граф на тебя не посмотрит.

Лирани закрыла глаза, и по щеке ее скатилась слеза.

— Что же мне делать, Саша? — спросила она. — Я не знаю. Я совсем не знаю.

Я взяла ее за руку.

— Не знаю. Но, может быть, завтра ты пойдешь на прием, посмотришь на этих наследников, а потом... потом решишь сама. Не за отца. Не за долги. А сама.

Она сжала мою руку в ответ.

— Ты правда думаешь, что у меня есть выбор?

— Правда, — сказала я твердо.

Лирани сидела молча, сжимая мою руку, и я чувствовала, как ее пальцы постепенно перестают дрожать. Она сделала глубокий вдох, потом еще один — и вдруг отпустила мою руку, вытерла слезы тыльной стороной ладони и посмотрела на меня с решимостью, которой я в ней еще не видела.

— Ты права, — сказала она тверже, чем я ожидала. — Завтра я хотя бы посмотрю на них. А сегодня... сегодня у нас есть работа.

— Работа? — переспросила я.

— Платья, — она почти улыбнулась. — Мы же не можем явиться на прием в том, в чем шторы шили. Нужно доделать подолы, подогнать по фигуре. Поможешь?

Я кивнула, и мы спустились в гостиную, где все еще лежали остатки ткани. Лирани принесла из своей комнаты два платья — одно нежно-голубое, с вышивкой по лифу, другое темно-изумрудное, с глубоким вырезом.

— Голубое для первой половины вечера, — сказала она, разложив его на диване. — Изумрудное — для танцев, если дойдет до них. Матушка говорила, что женщина должна менять наряды, чтобы оставаться загадкой.

Я взяла иголку и нитки, присела рядом. Мы работали молча — я подшивала подол голубого платья, Лирани осторожно распарывала слишком тугой шов на талии изумрудного. Тишина была не тяжелой, а скорее деловой: нас объединяла общая цель, и это было лучше любых слов.

— Знаешь, — сказала я, делая очередной стежок, — твоя мама была мудрой женщиной.

— Она была лучшей, — тихо ответила Лирани. — Она учила меня, что женщина должна быть сильной, даже когда хочется плакать. Что слезы — это роскошь, которую можно позволить себе только наедине с собой.

— Она бы тобой гордилась, — сказала я. — Ты сильная. Даже если сама этого не замечаешь.

Лирани подняла на меня взгляд, и в нем блеснула благодарность. Но ничего не сказала — только взяла иголку и продолжила шить.

Мы просидели так около часа. Платья постепенно обретали нужную форму: голубое стало сидеть идеально, подчеркивая тонкую талию и изящные плечи, а изумрудное я расшила по подолу оставшимися обрезками темно-синего бархата, создавая эффект звездного неба.

— Это красиво, — выдохнула Лирани, когда я показала ей результат. — Саша, ты волшебница.

— Я просто умею работать руками, — усмехнулась я. — В моем мире это называется «хендмейд».

— Хенд-мейд? — переспросила она, коверкая слово. —

Странное имя для волшебства.

Я рассмеялась, и она улыбнулась в ответ — впервые за весь вечер.

Но я заметила: пока мы шили, Лирани то и дело бросала взгляды в окно. Сначала украдкой, будто проверяя, не смотрит ли кто на нее. Потом все откровеннее — она поворачивала голову, всматриваясь в сумерки за стеклом.

— Ты кого-то ждешь? — спросила я невинно, не поднимая глаз от шитья.

— Нет, просто... — она запнулась. — Проветриться хочется. Душно.

Я промолчала, но усмехнулась про себя. Мы обе знали, что она ищет.

Еще через полчаса она отложила платье и встала.

— Я выйду подышать, — сказала она, и голос ее звучал чуть взволнованно. — Посижу на заднем дворе. Одной надо побыть.

Я поднялась, чтобы пойти с ней, но она мягко остановила меня:

— Не надо. Я сама. Посижу немного и вернусь.

Я кивнула, хотя внутри все заиграло от любопытства. Она вышла, прикрыв за собой дверь, и я слышала, как ее шаги затихли в стороне заднего двора.

Я усмехнулась и села обратно. Что ж, если судьба решила дать Лирани шанс на встречу, не мне ему мешать. Я взяла изумрудное платье и принялась заново перешивать кружево

на руках — к утру оно должно было сидеть безупречно.

Время тянулось медленно. За окном стемнело, в гостиной стало сумрачно, и я зажгла свечу. Шить при тусклом свете было трудно, но я упрямо продолжала — мысль о том, что завтрашний прием может стать для Лирани либо спасением, либо клеткой, гнала меня вперед.

Когда часы на камине пробили десять, я начала беспокоиться.

Она ушла уже почти два часа назад. «Подышать» — это, конечно, хорошо, но два часа? На улице совсем темно, и даже если она встретилась с Марком... Впрочем, я надеялась, что именно это и случилось, но тревога все равно кольнула сердце.

Я отложила шитье и встала, намереваясь выйти во двор, когда услышала шаги на крыльце. Дверь распахнулась, и в комнату влетела Лирани.

Она была взволнована. Вся пунцовая, сбивчиво дышала, волосы растрепались, а на шее не хватало одной ленточки, которую я пришивала к воротнику утром.

Но самое главное — ее губы. Припухшие, чуть красные, будто их целовали долго и жадно.

Я замерла с иглой в руке.

Лирани встретилась со мной взглядом, и краска залила ее щеки еще гуще. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не нашла слов.

— Ну, — сказала я, откладывая платье и скрещивая руки

на груди. — И как воздух? Хороший? Свежий?

Она всхлипнула — то ли от смущения, то ли от переполнявших ее чувств — и вдруг бросилась ко мне, обняла за шею.

— Саша, — прошептала она мне в плечо. — Я... я не знаю, что делать. Я встретила его.

— Марка? — уточнила я на всякий случай.

Она кивнула, не поднимая головы.

— Он ждал меня. Он видел, как я вышла. Он... он подошел. Мы говорили. А потом... — она замялась.

— Потом ты перестала дышать? — подсказала я с улыбкой. — И он тебя поцеловал?

Она подняла голову, и глаза ее сияли. Сияли так, как описывала Агнесс. Светом, который невозможно подделать.

— Да, — выдохнула она. — И это было... Саша, это было невероятно.

Я улыбнулась, чувствуя, как у самой на душе становится тепло.

— Тогда, — сказала я, беря ее за руку, — завтра у тебя будет не просто выбор между графом и бароном. У тебя будет выбор между долгом и сердцем. И только ты можешь его сделать.

Лирани посмотрела на меня, и в ее глазах я увидела решимость, которой не было еще несколько часов назад.

— Я знаю, — сказала она твердо. — И я сделаю правильный выбор.

— Я верю, — ответила я.

И села обратно за шитье — платье само себя не доделает. А завтрашний день обещал быть очень, очень интересным.

Я отложила иголку и посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Завтра вставать рано — прием у канцлера начнется в полдень, но подготовка займет несколько часов. Лорд д'Арвиль наверняка уже составил график: когда подавать экипаж, когда являться, кому кланяться, в какой последовательности улыбаться.

— Нам нужно поспать, — сказала я, разминая затекшую спину. — Завтра тяжелый день.

Лирани кивнула, но я видела: она не уснет. Она все еще была там, на заднем дворе, в объятиях Марка. Я оставила ее перебирать в памяти каждое мгновение их встречи — это ее право. Первая любовь не терпит спешки даже в воспоминаниях.

Поднявшись в каморку, которую отвела мне Агнесс, я повалилась на жесткую койку и провалилась в сон.

Глава 7.

Утро ворвалось сквозь щели в ставнях. Я села, растирая лицо — спала всего несколько часов, но тело уже гудело от предвкушения.

Я оделась в свое единственное приличное платье — темно-серое, без кружев, без вышивки. Простое, как монашеская ряса.

Когда я спустилась на кухню, Агнесс уже хлопотала у очага. Она окинула меня взглядом и покачала головой.

— В этом ты на прием пойдешь? — спросила она с материнской укоризной. — Саша, ты же как нищенка выглядишь.

— Это все, что у меня есть, — пожала я плечами. — Я же не леди, а прислуга, так что мне такое платье подойдет по статусу. Да и удобно.

— Удобно, — фыркнула Агнесс. — Ты к канцлеру едешь, а не в огород за репой.

Тут в разговор вмешалась пришедшая Лирани. В руках она держала одно из платьев, что мы переделывали.

— Ничего не хочу слышать, но ты одеваешь это платье. Зря мы что ли его перешивали, да и покупали специально для тебя, так что не глупи, — категорично заявила девушка.

— Лирани...

— Никаких «но», — отрезала она, в точности копируя интонацию Агнесс. — Надевай. Мы теряем время.

Я посмотрела на платье в своих руках. Бархат переливался в утреннем свете, вышивка мерцала серебряными нитями. Это было не просто платье — это было произведение искусства. И Лирани отдавала его мне.

— Ты уверена? — спросила я тихо.

— Никогда не была так уверена, — ответила она и улыбнулась. — А теперь бегом наверх. Агнесс поможет тебе зашнуровать корсет, а я пока закончу с прической.

Я поднялась в свою каморку, и Агнесс зашнуровала меня в это платье так туго, что я едва могла дышать. Но когда я посмотрела в зеркало, то забыла о неудобстве.

Платье облегло фигуру как вторая кожа. Глубокий вырез открывал ключицы и шею, делая их тоньше и изящнее. Юбка тяжелыми складками спадала до самого пола, и каждый шаг отзывался мягким шорохом ткани. А вышивка по лифу — серебряные звезды и полумесяцы — делала меня похожей на ночное небо.

Я была прекрасна. Я была другой.

Я спустилась в гостиную, и Лирани, уже одетая в голубое, обернулась и замерла.

— О, — выдохнула она. — Я знала. Я знала, что тебе пойдет.

— Это твое платье, — снова напомнила я, чувствуя себя неловко. — Ты должна была танцевать в нем.

— Я буду танцевать в другом, — отмахнулась она. — А ты будешь выглядеть так, что никто не посмеет назвать тебя

компаньонкой. Поверь, это нужно не только тебе. Это нужно нам обоим.

Я не поняла до конца, что она имела в виду, но спорить не стала.

Дальнейшее вниз спустился лорд д'Арвиль с лучезарной улыбкой и в новеньком костюме.

Но как только он увидел меня, лицо его исказилось.

— Это еще что? — спросил он ледяным тоном, кивая в мою сторону.

— Саша, — спокойно ответила Лирани, не оборачиваясь.
— Моя компаньонка.

— Компаньонка? — лорд д'Арвиль шагнул в комнату, и голос его зазвенел от сдерживаемого гнева. — Лирани, мы едем на прием к самому канцлеру. Это не прогулка в парк. Там будут наследники престола, члены Совета, высшая знать. И ты хочешь взять с собой эту... эту...

— Саша едет и это не обсуждается. Если не едет Саша, то не поеду и я. — Лирани наконец повернулась к отцу, и голос ее был тверд, как камень.

Лорд д'Арвиль скрипнул зубами.

— У нее нет происхождения. Нет имени. Если кто-то спросит, кто она, что я скажу? «Мы подобрали ее в лесу, она явилась из другого мира»? Это звучит как бред безумца!

— Тогда скажешь, что она моя дальняя родственница, — невозмутимо ответила Лирани. — Из обедневшей ветви рода. Приехала погостить. Никто не станет проверять — при

дворе свои скандалы важнее.

Я стояла молча, наблюдая за этой сценой. Лирани защищала меня — и делала это так естественно, будто всю жизнь только этим и занималась. В груди защемило от благодарности.

— Это неразумно, — процедил лорд, но голос его потерял былую жесткость. — У нас нет кареты на лишнего человека.

— Она поедет с нами. Сядет рядом со мной.

— Лирани...

— Отец, — она шагнула к нему и посмотрела прямо в глаза. — Все молодые знатные девушки приходят на такие приемы с матерями или наставницами. У меня нет матери. На наставницу у нас нет денег. Тетя живет в другом городе, и благодар тебе не хочет ничего знать о нас. Кто, по-твоему, должен сопровождать меня? Ты сам будешь стоять рядом со мной весь вечер или сопровождать меня в дамскую комнату и придерживать юбки?

Лорд д'Арвиль открыл рот и закрыл. Он явно не предусмотрел этого аргумента.

— Пусть будет Саша, — закончила Лирани мягче. — Она умна, она не опозорит нас. И, честно говоря, я чувствую себя спокойнее, когда она рядом.

Отец перевел взгляд на меня. В его глазах я читала оценку: слишком худая, слишком бледная, слишком никакая.

— Хорошо, — бросил он наконец и отвернулся. — Но если она скажет хоть одно глупое слово, я лично вышвырну

ее из кареты на полном ходу.

— Договорились, — улыбнулась Лирани и подмигнула мне.

Я выдохнула, сама не заметив, что задержала дыхание.

— Идем, — Лирани взяла меня за руку и потянула к выходу. — Нам еще укладывать прическу.

Мы поднялись в ее комнату, и следующие полчаса она занималась моими волосами. Я сидела на табурете, чувствуя, как ее ловкие пальцы заплетают косу, укладывают ее короной вокруг головы, закрепляют шпильками.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я очень рада, что ты здесь.

— Я тоже, — ответила я искренне.

Она закончила прическу и отступила, оглядывая меня. Потом подошла к шкатулке, достала из нее серебряную брошь в виде цветка и приколола к моему лифу.

— Это подарок. От меня, — сказала она тихо. — В знак дружбы.

Я коснулась броши пальцами. Она была теплой — как тепло было у меня на душе.

— Спасибо, Лирани.

— Не за что.

Потом она отошла к зеркалу, я встала рядом, и мы посмотрели на наше отражение. И тут я заметила то, что заставило меня замереть.

Мы были похожи.

Не чертами лица, а фигурой, ростом, осанкой — мы смотрелись как сестры. И платья: оба пышные, оба с тонкой талией, оба с изящными кружевами.

Посторонний человек мог бы принять нас за сестер. Или, что еще более странно, спутать — кто из нас госпожа, а кто компаньонка.

Я повернулась к Лирани, всматриваясь в ее лицо, и меня озаарило: она сделала это нарочно.

— Ты... — начала я.

— Что? — она невинно похлопала ресницами.

— Ты специально выбрала для меня такой фасон? Чтобы мы были похожи?

Лирани улыбнулась — той улыбкой, которая скрывает тайну.

— А вдруг, — сказала она задумчиво, — завтра мне понадобится незаметно исчезнуть? Или поменяться местами? Я должна знать, что у меня есть двойник.

У меня перехватило дыхание.

— Ты планируешь побег?

— Я планирую иметь варианты, — поправила она. — А это разные вещи.

Мы смотрели друг на друга в зеркале, и я вдруг поняла: эта девушка уже давно не та испуганная аристократка, что сидела сжавшись в комок на кровати. За одну ночь она превратилась в женщину, готовую бороться за свое счастье.

И я была частью этого плана. Даже сама того не желая.

— Ладно, — сказала я, поправляя брошь. — Тогда поехали, а то твой батюшка скоро будет метать молнии.

Лирани рассмеялась, и мы вышли из комнаты. Внизу нас ждал насупленный лорд д'Арвиль и старая, но чистая карета, запряженная двумя гнедыми лошадьми.

Кучер щелкнул кнутом, и мы тронулись в путь.

В карете я сидела напротив Лирани и лорда д'Арвиля. Лорд молчал, сверля меня взглядом, но я уже научилась не обращать на это внимания. Вместо этого я смотрела в окно, на проплывающие мимо улицы, дома, редких прохожих, купающихся в плащи.

Карета свернула на широкую мощеную улицу, и я увидела впереди величественное здание. Оно было огромным: белокаменное, с колоннами, с высокими окнами, с гербом над воротами. У входа уже толпились экипажи, слуги, лакеи в расшитых ливреях.

Мое сердце забилося чаще.

— Держись рядом со мной, — шепнула Лирани, когда карета остановилась. — И не отходи ни на шаг.

— Боишься, что я потеряюсь? — усмехнулась я.

— Боюсь, что тебя украдут, — серьезно ответила она. — Ты слишком яркая для компаньонки.

Лакей распахнул дверцу, и мы ступили на мостовую.

Прием у канцлера начинался. И я понятия не имела, чем он закончится.

Мы ступили на мостовую, и я впервые в жизни ощутила,

что значит быть под прицелом десятков взглядов. Нет, никто не пялился откровенно — знать умела смотреть украдкой, сквозь ресницы, якобы случайно скользя взглядом мимо. Но я чувствовала эти взгляды кожей.

Лирани взяла меня под руку, и мы двинулись ко входу. Лорд д'Арвиль шел впереди, расправив плечи, и я заметила, как он кивнул несколько знакомым. Те ответили сдержанно, но любопытно — их взгляды задерживались на мне дольше, чем того требовала простая вежливость.

Внутри здание канцелярии оказалось еще более величественным. Высокие сводчатые потолки, хрустальные люстры, зеркала в золоченых рамах — и повсюду люди. Мужчины в темных сюртуках с орденами, женщины в шелках и бархате, воздух пропитан духами и воском.

Мы остановились у входа в бальный зал. Дворецкий с длинным списком в руках выкрикивал имена входящих.

— Лорд Эдвард д'Арвиль с дочерью, леди Лирани, и... — дворецкий запнулся, глядя то на меня, то на Лирани, — и спутницей.

Лорд д'Арвиль шагнул вперед и четко произнес:

— И с племянницей, леди Александрой д'Арвиль.

У меня перехватило дыхание. Леди Александра? Я повернулась к Лирани, но та лишь сжала мою руку и едва заметно покачала головой — молчи.

Дворецкий кивнул и громко объявил:

— Лорд Эдвард д'Арвиль! Леди Лирани д'Арвиль! Леди

Александра д'Арвиль!

Мы вошли в зал под шепот и любопытные взгляды.

Первые полчаса прошли в тумане. Меня представляли каким-то пожилым леди, каким-то важным господам, я кивала, улыбалась, говорила дежурные фразы — и никого не запомнила. Лирани держалась рядом, но я заметила, что она то и дело отступает на полшага назад, словно уступая мне место в центре внимания.

— Лирани, — шепнула я, когда мы отошли к колонне, чтобы перевести дух, — почему твой отец назвал меня леди Александрой? И почему он сказал, что я племянница?

— Потому что так проще, — ответила она, поправляя кружево на моем рукаве. — Дальняя родственница — это слишком расплывчато. А племянница — понятно и почтительно.

— Но я не леди, — возразила я. — И не племянница.

— Теперь ты племянница Александра д'Арвиль. Привыкай, — она улыбнулась, но в глазах ее была странная настойчивость. — Красиво же звучит?

— Звучит, — согласилась я, чувствуя, как внутри закипает нехорошее предчувствие. — Но Лирани, ты ведешь себя странно. Ты все время отходишь в тень. Меня представляют как дочь лорда, а не тебя...

— Тсс, — она приложила палец к губам. — Потом объясню. Только не сейчас.

Я хотела возразить, но в этот момент к нам подошел он.

Мужчина был высок — настолько, что я почувствовала себя маленькой рядом с ним. Каштановые волосы, убраны в хвост на затылке, серые глаза с острым, внимательным взглядом, тонкие аристократические черты лица. Ему было около тридцати, может, чуть больше. Одет безупречно: темно-синий сюртук, серебряная цепь на шее, на пальце — печатка с гербом.

Он остановился прямо передо мной, чуть склонил голову и произнес низким, бархатным голосом:

— Леди д'Арвиль? Позвольте представиться — граф Норвудский, Себастьян д'Эвран.

Я присела в реверансе, как учила меня Агнесс, и подняла на него глаза.

— Граф, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Приятно познакомиться.

— Взаимно, — он улыбнулся — сдержанно, но в уголках глаз мелькнула искра. — Я наблюдал за вами весь вечер, леди. Вы единственная, кто не пытается привлечь к себе внимание — и именно поэтому вы привлекли мое.

Я почувствовала, как щеки заливают румянец. Краем глаза я заметила, что Лирани сделала шаг назад, буквально растворившись в толпе. Ее никто не замечал. Все внимание было приковано ко мне.

— Вы слишком добры, — ответила я.

— Нисколько, — граф протянул руку ладонью вверх. — Позвольте пригласить вас на танец? Или, быть может, вы уже

обещали первый танец кому-то другому?

Я колебалась лишь мгновение. Лирани не было рядом, лорд д'Арвиль стоял далеко, разговаривая с какими-то чиновниками. Я была одна. И это был мой шанс — или ловушка.

— Я принимаю приглашение, — сказала я и вложила свою руку в его ладонь.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих — сухие и теплые. Он повел меня в центр зала, и музыка заиграла с новой силой.

Мы танцевали вальс.

Граф вел уверенно, мягко, но властно. Я старалась не сбиться с шага, повторяя движения. К счастью, мы не столкнулись ни с кем, и я не наступила ему на ногу.

— Вы прекрасно танцуете, леди, — сказал он, чуть наклоняясь ко мне. — Для первого раза.

— Откуда вы знаете, что это мой первый танец? — удивилась я.

— У вас есть то, что бывает только у новичков, — он улыбнулся, но в глазах его была серьезность. — Осторожность. Опытные танцоры не боятся ошибиться. Вы боитесь. И это очаровательно.

Я не знала, что ответить, поэтому промолчала.

Мы сделали несколько кругов, и граф заговорил снова:

— Я слышал, ваш отец — лорд д'Арвиль. Вы давно вернулись в столицу?

Я замерла. Мой отец? Я открыла рот, чтобы поправить его, объяснить, что я не дочь, а племянница, что я вообще никто, подкидыш из другого мира...

Но слова застряли в горле.

Потому что я вдруг поняла: лорд д'Арвиль представил меня как «племянницу» только дворецкому. А гости додумывали кто есть кто уже самостоятельно. Более того — Лирани ушла в тень специально, чтобы никто не перепутал нас, а наоборот все подумали, что я это она.

Она выставила меня за себя.

— Леди? — голос графа вернул меня в реальность. — Вы побледнели. Вам дурно?

— Нет, — ответила я, заставляя себя улыбнуться. — Просто задумалась. Да, мы недавно вернулись в столицу.

— И как вам город?

— Он... большой, — сказала я первое, что пришло в голову.

Граф рассмеялся — тихо, почти про себя.

— Большой, — повторил он. — Это точно. Скажите, леди, а вы любите театр?

— Я... я никогда не была в театре, — призналась я честно. Он удивленно поднял бровь.

— Неужели? В вашем возрасте? Я думал, все юные леди обожают театр.

— Моя семья ведет скромный образ жизни, — ответила я, стараясь, чтобы это звучало достойно, а не жалко. — Мы

редко выезжали в свет.

— Значит, я буду первым, кто покажет вам театр, — сказал граф, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что я не нашлась, что ответить.

Музыка затихла. Танец закончился.

Граф отпустил мою руку, но не отошел — вместо этого он наклонился и прошептал:

— Леди, я бы хотел пригласить вас на прогулку завтра днем. В городской сад. Если ваш отец позволит, конечно.

У меня пересохло в горле.

— Я... я спрошу, — ответила я.

Он улыбнулся, поклонился и исчез в толпе так же внезапно, как появился.

Я осталась стоять посреди зала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Ко мне тут же подлетела Лирани — раскрасневшаяся, с горящими глазами.

— Ну? — спросила она шепотом. — Что он сказал?

— Он думает, что я это ты, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Дочь лорда. Наследница.

Лирани отвела взгляд.

— Я знаю, — сказала она тихо.

— Лирани, зачем? — в моем голосе зазвенела обида. — Зачем ты это сделала? Ты подставила меня вместо себя!

— Потому что так нужно. Мне нужно знать, кто из них чего стоит, — ответила она, и в ее глазах мелькнула жесткость, которой я раньше не видела. — Если граф Норвудский клю-

нет на титул, он клюнет на тебя. А если ему нужна именно я, а не удобная партия... он посмотрит на меня.

Она сказала это спокойно. Будто речь шла о простом, понятном деле. Будто я была не человеком, а приманкой.

— Ты использовала меня, — выдохнула я.

— Нет, — она взяла меня за руки, и в ее глазах мелькнула мольба. — Я дала тебе шанс. Ты могла остаться в тени, Саша. Но ты пошла в центр залы. Ты танцевала. Ты выбрала быть видимой. Разве не этого ты хотела?

Я открыла рот — и закрыла.

Она была права. Я могла отказаться. Я могла остаться у колонны. Но я пошла танцевать.

— Я не знаю, чего я хочу, — сказала я честно.

Лирани улыбнулась — грустно и тепло одновременно.

— Тогда давай узнаем вместе. А пока... просто будь Александрой. Хорошо?

Я посмотрела на свое отражение в зеркальной стене зала. Светлые волосы уложены короной, изумрудный бархат, серебряная брошь. Я выглядела как аристократка. Я вела себя как аристократка. Может быть, я уже стала ею?

— Хорошо, — ответила я. — Но потом ты мне все объяснишь.

— Обещаю, — сказала Лирани.

Мы снова шагнули в толпу, и вечер потек дальше — череда лиц, улыбок, поклонов и ничего не значащих фраз. Я механически отвечала на приветствия, пока мой разум пере-

варивал случившееся. Меня выдали за Лирани. Я стала прикрытием, живым щитом, за которым она могла наблюдать, не будучи замеченной.

Но странное дело — я не чувствовала злости. Только легкую горечь пополам с любопытством. Кто я теперь? Саша — служанка, которую нашли в лесу? Или леди Александра д'Арвиль, племянница обедневшего лорда? Или же леди Лирани д'Арвиль — для тех, кто не вслушивался в объявления дворецкого?

Граф Норвудский больше не подходил, но я чувствовала его взгляд. Он следил за мной из-за колонны, и это одновременно льстило и тревожило.

Мы с Лирани переходили от группы к группе. Я вежливо кивала, слушала сплетни о соседях, обсуждала погоду и неурожай, улыбалась шуткам, которых не понимала. Лирани держалась рядом, но теперь я замечала — она смотрит не на меня, а на зал. Ищет кого-то. Или ждет.

Через час в зале стало невыносимо душно. Сотни свечей, горячих тел, духов — воздух сперся настолько, что у меня закружилась голова.

— Лирани, — шепнула я, — мне нужно на воздух. Я сейчас задохнусь.

— Мне тоже, — ответила она, и мы, извинившись перед собеседниками, направились к высоким стеклянным дверям, ведущим на террасу.

Балкон оказался просторным, с каменными перилами,

увитыми плющом. Внизу расстился ночной город — огни фонарей, темные силуэты крыш, далекий силуэт собора. Воздух был прохладным, почти холодным, и я с наслаждением вдохнула полной грудью.

— Хорошо, — выдохнула я, опираясь на перила.

Лирани встала рядом, поправляя прическу.

— Красиво, — сказала она задумчиво. — Город ночью совсем другой. Будто сбрасывает маску.

— Как и люди, — добавила я.

— Как и люди, — согласилась она.

Мы помолчали. Тишину нарушал только слабый шум музыки из зала и далекие звуки города.

— Знаешь, — начала Лирани, глядя в темноту, — я думала, что бал будет веселее. Я мечтала о нем с детства. Новое платье, музыка, танцы, глаза влюбленного принца... — она усмехнулась. — А на деле — это просто торг. Я смотрю на этих мужчин, и вижу не лица, а кошельки. Чувствую себя товаром на прилавке.

— Ты не обязана выходить замуж, — тихо сказала я.

— Обязана, — она повернулась ко мне, и в свете луны ее лицо казалось бледным, почти прозрачным. — Если я не выйду замуж в этом сезоне, отец разорится окончательно. Он уже заложил все что у него есть и даже то, чего нету. Если я не выйду замуж, и мы окажемся на улице. Или — он попытается выдать меня за кого-нибудь похуже. За старика, за игрока, за тирана.

— А граф Норвудский... он хуже или лучше?

Лирани задумалась.

— Я не знаю. Он красив, благороден, богат. Но я видела, как он смотрел на тебя. Он смотрел не на титул — он смотрел на девушку. Это хорошо. Это значит, что он способен видеть живого человека, а не приданое. Но это же и плохо — потому что он смотрел на тебя, а не на меня.

— Прости, — сказала я, хотя не знала, за что извиняюсь.

— Не извиняйся. Ты здесь ни при чем.

Она вздохнула и отступила от перил.

— Пить хочется, — сказала она. — Я сейчас вернусь. Принесу нам обоим лимонаду.

— Давай я схожу, — предложила я. — Ты устала, отдохни.

— Нет, — она покачала головой и улыбнулась. — Ты сегодня главная звезда вечера. Если ты уйдешь, меня начнут расспрашивать, куда делась леди д'Арвиль. А я хочу побыть в тени еще немного.

Она сжала мою руку и скользнула обратно в зал, оставив меня одну на балконе.

Я обернулась к городу. Внизу, в саду, мелькали огоньки — слуги с фонарями обходили территорию. Где-то вдалеке залаяла собака. Ночь была спокойной, почти мирной.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула, наслаждаясь прохладой.

— Леди скучает?

Голос раздался так неожиданно, что я вздрогнула и обер-

нулась.

На пороге балкона стоял мужчина. Он был ниже графа, но шире в плечах — крепкий, коренастый, с темными волосами, небрежно зачесанными назад, и с насмешливыми карими глазами. На губах играла ленивая улыбка, а в руке он держал бокал с вином.

Он шагнул вперед, не спрашивая разрешения, и остановился в двух шагах от меня.

— Простите, не представился. Барон Лейтер, — он чуть склонил голову, но в этом поклоне было больше иронии, чем почтения. — Лейтер — это земли на севере, если вам интересно. Леса, болота и упрямые мужики. Но доход приносит неплохо.

— Барон, — ответила я, стараясь держаться холодно. — Я не слышала, как вы подошли.

— Это потому что вы мечтали, — сказал он и сделал глоток вина. — А мечтать на балу — непозволительная роскошь. Здесь надо смотреть в оба, иначе упустишь выгодную партию.

— Я не ищу партию, — ответила я.

— А вот тут вы ошибаетесь, — он усмехнулся и шагнул ближе. — Ваш батюшка, лорд д'Арвиль, сегодня весь вечер ходит с таким видом, будто продает лучшую лошадь на ярмарке. Все знают: у него есть дочь, и он ищет ей мужа. И желательно — с деньгами.

— Вы слишком вольны в своих суждениях, — холодно

заметила я. — И подошли слишком близко.

— А чего мне бояться? — он сделал еще шаг, и я оказалась прижата к перилам. — Мы здесь одни. Луна светит, музыка играет. Самое время узнать друг друга поближе.

И прежде чем я успела отстраниться, он положил руку на перила с обеих сторон от меня, зажимая в ловушке.

— Барон, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но внутри все дрожало, — отойдите.

— А если не отойду? — он наклонил голову, разглядывая меня с любопытством. — Что вы сделаете? Закричите? Позовете папеньку? Он прибежит, увидит нас вдвоем — и тут же обвенчает нас прямо здесь, в саду, чтобы не упустить такого зятя.

Я попыталась вывернуться, но он был сильнее. Его рука легла на мою талию, притягивая меня ближе.

— Вы красивы, леди, — сказал он, и в голосе его мелькнуло что-то искреннее. — Я смотрел на вас весь вечер. Вы танцевали с графом и выглядели так, будто вам все равно, кто он и сколько у него земель. Мне это понравилось. Обычно девушки при виде титула теряют голову. А вы — нет.

— Я теряю голову только от наглости, — ответила я, упираясь ладонями ему в грудь.

Он рассмеялся — громко, открыто.

— Прелестно! У вас есть характер. А это редкость в наше время.

И тогда он наклонился и поцеловал меня.

Это был не нежный поцелуй — быстрый, дерзкий, требовательный. Его губы обожгли мои, и на секунду я замерла от шока. А потом во мне вскипела ярость.

Я вырвала одну руку и вlepила ему звонкую пощечину.

Звук разнесся в ночной тишине, как выстрел.

Барон отшатнулся, прижал ладонь к щеке и уставился на меня с изумлением. А потом — расхохотался.

— Вот это да! — воскликнул он, потирая покрасневшую щеку. — вот это да, леди, вы не перестаете меня удивлять.

— Вы мерзавец, — выдохнула я. — Как вы посмели?

— Посмел, — он пожал плечами, ничуть не смутившись. — И знаете что? Теперь я вижу, что не прогадал. Я дал хорошую цену за вас.

— Что? — я замерла.

— Ваш отец, — пояснил он, все еще улыбаясь, — сегодня вечером подошел ко мне и спросил, не заинтересован ли я в браке с его дочерью. Я сказал, что подумаю. Он назвал цену. Я согласился.

У меня потемнело в глазах.

— Вы... вы купили меня?

— Я заплатил за право претендовать на вашу руку, — поправил он. — А вы только что доказали, что стоите каждой монеты. Я люблю женщин с огнем. Скучные и послушные нагоняют на меня тоску.

Он сделал шаг назад, давая мне пространство.

— Не дуйтесь, леди. Я не зверь. Если вы станете моей же-

ной, у вас будет все — дом, платья, украшения. И свобода — насколько это возможно для замужней женщины. Я не буду запира́ть вас в башне. Но и гулять налево не позволю.

— Вы чудовище, — прошептала я.

— Я реалист, — ответил он и поднял бокал, словно салютуя мне. — До встречи на свадьбе, леди.

Он развернулся и направился к дверям — и в этот момент в проеме появилась Лирани с двумя стаканами лимонада в руках.

Она замерла, увидев его. Барон кивнул ей — коротко, будто старой знакомой — и скрылся в зале.

Лирани подбежала ко мне.

— Саша! Что случилось? Ты бледная! Он... он что-то сделал?

Я не могла говорить. Я только смотрела на дверь, за которой исчез человек, купивший меня, даже не узнав моего настоящего имени.

— Он сказал, что мой отец продал меня, — наконец выдохнула я. — Что они договорились о цене. В смысле твой отец, тебя, — поправилась я сразу.

Лирани побледнела.

— Не может быть.

— Он сказал именно так.

— Отец не мог... — начала она, но осеклась. Я увидела в ее глазах понимание. Он мог. И она это знала.

— Пойдем, — сказала она резко и взяла меня за руку. —

Пойдем отсюда.

Мы вошли в зал, и я почти бежала, не разбирая дороги. Лирани держала меня за руку, лавируя между гостями, которые провожали нас удивленными взглядами. Мне было все равно. В ушах все еще звучал смех барона и его слова: «Я дал хорошую цену за вас».

Мы нашли лорда д'Арвиля в малой гостиной, где он беседовал с группой пожилых мужчин. Он стоял с бокалом в руке, покрасневший от вина и удовольствия, и жестикулировал с непривычной для него живостью.

— Отец, — сказала Лирани, подходя к нему и беря его под руку, — нам нужно домой. Мне нездоровится.

Лорд д'Арвиль обернулся, посмотрел на дочь — и я увидела в его глазах странный блеск. Он был доволен. Очень доволен.

— Да, да, конечно, — сказал он, ставя бокал на поднос проходящего мимо слуги. — Джентльмены, прошу простить, дела семейные. Надеюсь, вы нас извините.

Он поклонился своим собеседникам и, взяв Лирани под руку, направился к выходу. Я шла следом, чувствуя на себе десятки взглядов. Кто-то шептался, кто-то улыбался мне вслед — я не знала, что эти улыбки значат, и не хотела знать.

В карете мы устроились напротив друг друга. Лорд д'Арвиль сел рядом с Лирани, я — одна на переднем сиденье. Возница щелкнул кнутом, карета качнулась, и мы поехали.

Всю дорогу лорд пребывал в прекрасном расположении

духа. Он насвистывал какой-то мотив, поглядывал в окно и то и дело улыбался, словно вспоминая что-то приятное.

— Отличный вечер, — произнес он наконец, откидываясь на сиденье. — Давно я не был в таком центре внимания. Все хотели со мной поговорить, все интересовались моей семьей. Чудесно, просто чудесно.

Лирани молчала, глядя в пол. Я тоже молчала, сжимая руки в перчатках.

— А ты, Лирани, сегодня превзошла все ожидания, — продолжил он, поворачиваясь к дочери. — Граф Норвудский не сводил с тебя глаз. И барон Лейтер подходил к тебе, он мне сам об этом сказал. Два таких достойных жениха за один вечер — это успех.

— Отец, — голос Лирани прозвучал резко, и лорд д'Арвиль удивленно посмотрел на дочь. — Я хочу поговорить с тобой. Прямо сейчас.

— О чем, дорогая?

— О том, что ты продал меня барону Лейтеру.

Тишина повисла в карете, плотная, как туман. Лорд д'Арвиль перестал улыбаться. Он посмотрел на Лирани, потом на меня, и его лицо приняло выражение, которое я не могла прочесть.

— Прогдал? — переспросил он, и в голосе его послышалась обида. — Что за дикие слова, Лирани? Я договорился о возможном браке. Это называется «сватовство», а не «продажа». Или ты думаешь, что титулы и земли достаются по

любви? В нашем мире брак — это сделка. И я, как твой отец, заключил для тебя выгодную сделку.

— Для меня? — Лирани подняла голову, и в ее глазах блеснули слезы. — Или для себя?

— Для семьи, — отрезал лорд. — Мы — одно целое. То, что хорошо для семьи, хорошо и для тебя.

— А с графом? — спросила она, и голос ее дрогнул. — Ты и с ним договорился?

Лорд д'Арвиль улыбнулся — самодовольно, сыто. Он повернулся к Лирани, и в его взгляде читалось торжество.

— Граф Норвудский тоже подошел ко мне, дорогая. Сказал, что вы произвели на него неизгладимое впечатление. Что он восхищен вашей красотой и грацией, — он говорил это Лирани, полагая, что граф говорил о его дочери, а не обо мне. — Так что завтра у нас второй раунд. Бал-маскарад в особняке герцогини Валфордской. И ты поедешь, Лирани, — с нажимом произнес мужчина. — Одна, — и лорд бросил в мою сторону выразительный взгляд.

Лирани замерла. Я тоже.

— Я? — переспросила она, и в голосе ее послышалось недоумение. — Но отец, сегодня же танцевала... — она осеклась, вовремя прикусив язык.

— Конечно ты, — лорд д'Арвиль нахмурился. — Кто же еще? Александра завтра останется дома. Ты сегодня произвела фурор, дочь. Теперь надо закрепить успех.

Он говорил это с такой уверенностью, что я поняла: он

искренне не заметил подмены. Для него весь вечер его настоящая дочь была в центре внимания — потому что он видел то, что хотел видеть.

Лирани открыла рот, чтобы возразить, но я поймала ее взгляд и едва заметно покачала головой. Она поняла и промолчала.

— Ты поедешь одна, — продолжал лорд, потирая руки. — Без Александры. Граф просил отдельной встречи, даже хотел позвать тебя в театр, но я отказал. Но я обещал, что ты будешь на маскараде. Не подведи меня.

Лирани опустила глаза. Я сжала руки в перчатках, чувствуя, как подступает к горлу горький ком.

— Да, отец, — ответила она тихо.

Лорд д'Арвиль удовлетворенно кивнул и перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то странное — словно он оценивал меня заново.

— А ты, Александра, завтра отдохнешь. Ты сегодня была... полезной.

Он выразительно посмотрел на меня — дольше, чем следовало бы. В этом взгляде было что-то, от чего мне стало не по себе. Словно он видел больше, чем показывал.

Я поджала губы и молча кивнула.

Карета остановилась у дома. Лакей открыл дверцу, и мы вышли на мостовую. Ночь была тихой, звездной, но внутри меня все сжималось от холода.

Мы вошли в дом. Лирани взяла меня за руку и шепнула:

— Он не понял. Он думает, что это я танцевала с графом.

— Да, — ответила я так же тихо.

— У меня есть план, — и в глазах Лирани заплясал озорной огонек. — Ты pomoжeшь мне?

Глава 8.

Следующий день тянулся бесконечно. Я почти не спала — ворочалась до рассвета, а когда наконец провалилась в тревожную дремоту, мне снились синие глаза и золотые маски. Проснувшись я с тяжелой головой и противным чувством тревоги, которое не отпускало ни на миг.

После обеда Лирани поймала меня в коридоре и, схватив за руку, потащила к себе. Она плотно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, переводя дух.

— Отец уехал по делам до вечера, — выпалила она. — У нас есть пара часов. Нужно все обговорить.

Я опустилась в кресло у камина и уставилась на пляшущие языки пламени. Лирани мерила шагами комнату, и в ее глазах горел тот самый озорной огонек, которого я давно в ней не видела.

— У меня есть план, — сказала она и остановилась напротив меня. — И он сработает.

Я подняла на нее усталый взгляд.

— Лирани, я не хочу больше никуда ехать. Я хочу забыть вчерашний вечер. Эти взгляды. Этого барона... и графа тоже.

— Но граф, кажется, тебе понравился, — лукаво заметила она, присаживаясь на край кресла. — Ты краснела, когда танцевала с ним.

— Я не краснела, — соврала я, чувствуя, как щеки начинают гореть.

— Краснела, — улыбнулась она. — И он тебе понравился. Я видела.

Я отвернулась, пряча глаза.

— Неважно, что я чувствую. Он думал, что я это ты. И на бал едешь ты.

— Вот именно, — Лирани пододвинулась ближе и понизила голос. — Он решил, что еду я. Так пусть так и думает. Пока не придет время.

Я нахмурилась.

— Что ты задумала?

Она встала, подошла к шкафу и достала то самое красное платье, которое лорд д'Арвиль привез сегодня днем. Платье было роскошным — глубокий винный оттенок, бархатный корсаж, широкая юбка, расшитая золотыми нитями. К нему прилагалась маска, закрепленная на изящной шпильке — такая же алая, с золотым узором.

— Отец думает, что на бал поеду я, — начала Лирани, держа платье перед собой. — И я поеду. В том смысле, что он увидит меня в этом платье, когда мы будем выходить. Но потом я скажу, что у меня что-то случилось с платьем — например, порвалась подкладка или сломался крючок — и вернусь в свою комнату, чтобы «исправить». А ты будешь ждать здесь. Мы быстро переодеваемся, я закреплю на тебе маску, — и ты выйдешь к отцу вместо меня.

Я смотрела на нее, не веря своим ушам.

— Лирани... ты хочешь, чтобы я снова притворилась тобой?

— Да, — она посмотрела мне прямо в глаза. — Только на один вечер. На бал-маскарад. Отец не заметит — все будут в масках. А я... у меня будут свои дела.

Она отвела взгляд, и в ее голосе появилась та особенная мягкость, которую я слышала, когда она говорила о нем.

— Марк будет ждать меня в городе. Мы договорились. Он снял комнату в трактире у старой мельницы. Я хочу провести с ним эту ночь.

У меня перехватило дыхание.

— Лирани, ты понимаешь, о чем говоришь?

— Понимаю, — ответила она, и глаза ее заблестели. — Я хочу быть с ним. Хотя бы одну ночь. Прежде чем отец продаст меня, как скотину на рынке. Я хочу знать, что такое быть любимой. Настоящей любовью, с тем кого я люблю.

— Но если кто-то узнает... если твой отец узнает... — я встала, чувствуя, как внутри поднимается тревога. — Это невозможно. Это безумие.

— Поэтому мне нужна твоя помощь, — она взяла мои руки в свои. — Ты поедешь на бал. Будешь танцевать, улыбаться, очаровывать графа. А я буду с Марком. Никто ничего не узнает.

— Лирани, это слишком опасно. Ты можешь просто не ехать на бал. Отказаться ото всех этих браков. Скажи отцу,

что не выйдешь ни за графа, ни за барона.

Она горько усмехнулась.

— Ты знаешь, что я не могу. Я его дочь. Если я откажусь, выгонит из дома, опозорит на весь свет. И Марка тоже не примет — у него нет титула. Он не благословит наш с Марком брак никогда. Скорее уж в монастырь меня отправит, что отдаст ему в жены.

— Но разве любовь не важнее?

— Важнее, — слезы потекли по ее щекам. — Именно поэтому я хочу хотя бы одну ночь с ним. Чтобы запомнить. Чтобы было что вспоминать, когда меня выдадут замуж за равнодушного графа или за грубого барона.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри меня борются разум и жалость. Я понимала ее. Понимала это желание вырваться, пусть даже на миг, из клетки, в которую ее заперли.

— Лирани... — начала я.

— Если ты не поможешь мне, — прошептала она, — я все равно поеду к нему. Но тогда отец узнает. И меня запрут. А потом выдадут замуж с позором. Ты хочешь этого для меня?

Я закрыла глаза.

— Нет.

— Тогда помоги, — она сжала мои руки. — Пожалуйста. Я прошу тебя в первый и последний раз. Я знаю, что рискую. Но я хочу этого. Я хочу быть с ним.

Я долго молчала. В камине потрескивали дрова. Где-то в

доме часы пробили три пополудни.

— Хорошо, — сказала я наконец, и голос мой прозвучал глухо. — Я помогу тебе. Но я чувствую... это плохая затея. У меня дурное предчувствие, Лирани. Очень дурное.

Она улыбнулась сквозь слезы и обняла меня.

— Спасибо. Ты настоящая подруга.

Я обняла ее в ответ, но сердце мое сжималось от тревоги. Что-то подсказывало мне: эта ночь не принесет ничего хорошего.

— Давай обсудим детали, — сказала я, отстраняясь. — Во сколько он приедет? Где ты будешь ждать его? И как я вернусь домой?

Лирани вытерла слезы и села напротив меня, уже собранная и деловая.

— Экипаж Марка будет ждать у старой ивы через два дома отсюда, в десять вечера. Я выскользну через заднюю дверь. А ты... ты останешься на балу до полуночи. Потом скажешь отцу, что устала, и он отвезет тебя домой.

— А если он захочет проводить меня до комнаты?

— Скажи, что тебя тошнит. Он терпеть не может болезней. Отстанет сразу.

Я вздохнула.

— Ты все продумала.

— Я думала об этом всю ночь, — призналась она.

Она улыбнулась — светло и счастливо, как давно не улыбалась.

— Я люблю его, Саша. И я хочу быть с ним. Пусть даже одну ночь.

Я не нашлась, что ответить. Только кивнула.

Остаток дня прошел в лихорадочной подготовке. Лирани то и дело подбегала к окну, проверяя, не вернулся ли отец, а я сидела в ее кресле, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Нам нужно все отрепетировать, — сказала она, когда часы пробили пять. — Встань. Я покажу, как ты должна будешь войти в гостиную, когда придет время выезжать.

Я послушно поднялась. Лирани отошла к двери и картинно присела в реверансе, изображая, как я должна буду появиться перед отцом.

— Ты выходишь вот так, — она плавно повела рукой. — Голова чуть поднята, но глаза опущены. Отец любит покорность. И не смотри на него слишком долго — он начинает подозревать, когда смотрят слишком пристально.

— Я запомнила, — кивнула я, стараясь не выдать голосом своего волнения.

— Потом я говорю: «Простите, отец, платье зацепилось за крючок, я на минуту». И ухожу, — она изобразила, как подхватывает юбки и выбегает. — Ты ждешь здесь. Я возвращаюсь через пять минут, мы меняемся местами — и ты выходишь к карете под руку с отцом.

— А если он заметит, что у нас разная походка? — спросила я. — Или что я ниже тебя на полпальца?

— В темноте кареты? — усмехнулась Лирани. — И в мас-

ке? Саша, он не заметит. Он вообще редко смотрит на меня внимательно. Я для него — часть интерьера, как портрет в гостиной. Красивая, но неодушевленная.

В ее голосе мелькнула горечь, но она тут же стряхнула ее и улыбнулась.

Мы принесли наверх платье, доставленное днем от портнихи. Красный бархат мягко мерцал в свете свечей, и, когда Лирани взяла его в руки, я невольно залюбовалась.

— Я сделаю вот что, — продолжила она, разворачивая платье на кровати. — Пока ты будешь переодеваться, я уйду обходными путями, что никто ничего не заметил. Надену твое платье и скроюсь.

— Какими обходными путями ?

— Черная лестница, старая кладовая, переход через гардеробную. Никто меня не заметит. Я уже проверила, — лукаво подмигнула она.

Она подошла ко мне и взяла меня за руки.

— Ты готова?

Я глубоко вздохнула.

— Нет. Но я сделаю это.

Она рассмеялась — легко, счастливо, как девочка, которая собирается на тайное свидание.

— Отлично. Тогда начнем.

Первым делом Лирани помогла мне надеть бельевого корсет — тугой, с китовым усом, он стянул талию до невозможного. За ним — нижние юбки с кружевом, зашнурованные

сзади. Сверху — само платье. Скромное, но такое, чтоб я смогла его легко скинуть. Сама же облачилась в алое. Бархат скользнул по плечам, облекая фигуру, и Лирани ловко затянула шнуровку на спине. Затем она сделала мне прическу, и спрятала ее под чепчиком, я попробовала воспроизвести такую же.

— Дыши глубже, — скомандовала она. — Не вздумай падать в обморок, пошутила девушка. Держи спину прямо.

Я кивнула, и мы обе посмотрели в зеркало. В отражении стояли две очень похожие девушки и даже без маски нас можно было спутать или посчитать сестрами. Две аристократки, одна в алом бархате — с прямой спиной, тонкой талией и блестящими от волнения глазами, вторая в синем скромном платье, и с чепчиком на голове.

— Внимание, — выдохнула Лирани, выглядывая в коридор. — Он в малой гостиной. У нас есть ровно три минуты, пока он просматривает почту.

Я стояла посреди ее спальни, чувствуя, как колотится сердце. Алое платье уже было на ней, переливаясь в свете свечей, как вино в хрустале. Маска лежала на трюмо, ожидая своего часа.

— Ты готова? — спросила я, хотя вопрос был глупым.

— Нет, — честно ответила Лирани, и в ее глазах мелькнула тень страха. — Но медлить нельзя.

Она глубоко вдохнула, поправила платье, на секунду замерла перед зеркалом, проверяя, ровно ли лежит ткань на

плечах.

— Я спускаюсь, — сказала она. — Как только я уйду — считай до двадцати. Если не вернусь, значит все пропало и он не дал мне возможности вернуться в спальню.

Она шагнула к двери, но я схватила ее за запястье.

— А если так и случится ?

Лирани обернулась, и на мгновение маска капризной леди спала, обнажая усталую, решительную девушку.

— Значит, будем импровизировать.

Она выскользнула за дверь, и я осталась одна, считая удары собственного сердца. не выдержав, я тихонечко прокрадлась к лестнице из которой была видна большая часть гостиной.

Лорд д'Арвиль стоял у камина в малой гостиной, просматривая письмо, когда Лирани вошла — плавно, с ленивой грацией кошки. Алое платье струилось за ней, привлекая взгляд, заставляя забыть обо всем остальном.

Отец поднял голову. В его взгляде мелькнуло одобрение — она знала этот взгляд. Гордость. Он всегда смотрел на нее так, когда она была "правильной" леди.

— Лирани, — произнес он с довольной ноткой в голосе. — Ты сегодня великолепна. Граф будет очарован.

Она сделала реверанс — изящный, отточенный годами тренировок.

— Благодарю, отец.

Он уже открыл рот, чтобы сказать что-то еще — вероятно,

очередное наставление о том, как вести себя с графом, — но Лирани вдруг охнула, прижав руку к груди, и уставилась на свой рукав с выражением неподдельного ужаса.

— Что случилось? — лорд д'Арвиль нахмурился.

— Нитка, — выдохнула она, поднося рукав к глазам, будто разглядывая что-то невидимое. — Кажется, распустилась строчка. Я не могу ехать в таком виде! Это позор!

— Лирани, я не вижу ничего...

— Это едва заметно, но я чувствую! — она уже разворачивалась, взметнув юбки. — Я на секунду — только поправлю! Подожди меня, я мигом! Заодно и маску сразу прикреплю.

И прежде чем отец успел возразить, она взлетела по лестнице, оставив его в гостиной одного — с письмом в руках и выражением легкого недоумения на лице.

— Женщины... — пробормотал он себе под нос и вернулся к чтению.

Я метнулась обратно в комнату, следом влетела Лирани, захлопнула дверь, и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

— Быстро! — выдохнула она, уже хватаясь за шнуровку на спине. — У нас минута, может, две, пока он не начнет подниматься сам.

Я метнулась к ней, помогая распутать узлы. Алое платье упало к ее ногам шелковой лужей, и она перешагнула через него, уже хватая мое которое я стянула с себя. И зачем только

вообще его надевала.

— Маску! — крикнула она, натягивая платье через голову. — Не забудь маску.

Я облачилась в платье, Лирани затянула туго шнуровку, в мгновение словно бы делала это чуть ли не каждый день, поправила все складки и неровности и схватила кружевную маску с серебряной вышивкой, приложила к моему лицу, и трясущимися руками завязала ленты.

Лирани дернула шнуровку на себе, затянула кое-как, взлохматила волосы, превращая прическу в небрежный беспорядок. Взглянула на меня — и удовлетворенно кивнула.

— Идеально. Теперь — выходи. Ты — это я.

Она подтолкнула меня к двери. Я сделала шаг — и остановилась, чувствуя, как страх сковывает горло.

— А если он спросит про нитку?

Лирани усмехнулась — дерзко, почти бесшабашно.

— Скажи, что зашила. А если спросит, где именно — обидься и скажи, что он не умеет разглядывать женское платье. Это собьет его с толку.

Я глубоко вздохнула, поправила маску так, чтобы она сидела ровно, придала лицу выражение ленивой скуки — как учила Лирани.

И вышла.

Каблуки моих туфель стучали по лестнице, но я старалась ступать легко, надменно, будто весь мир принадлежит мне. Спускаясь в гостиную, я видела, как лорд д'Арвиль подни-

мает голову, вглядываясь в приближающуюся фигуру.

— Вот я и вернулась, — произнесла я копируя голос Лирани — капризным, чуть растянутым. — Все в порядке. Это была сущая мелочь.

Отец оглядел меня, задержал взгляд на маске, на алых складках платья.

— Ты уверена, что все хорошо? — спросил он с легким подозрением. — Выглядишь... иначе.

Мое сердце пропустило удар. Но я вспомнила урок Лирани.

— Папа, — протянула я с легкой обидой, — ты опять начинаешь? Я привела себя в порядок, а ты ищешь проблемы. Если хочешь, чтобы я ехала к графу в дурном настроении — продолжай в том же духе.

Лорд д'Арвиль поднял руки в примирительном жесте.

— Уже молчу. Ты права. Карета будет через пятнадцать минут. Пойдем, я провожу тебя.

Он предложил мне руку. Я вложила свою ладонь в его, чувствуя, как дрожат пальцы — и надеясь, что он не заметит этой дрожи.

Мы вышли в вечернюю прохладу, и я покосилась на окно второго этажа. В щели между шторами мелькнул силуэт — Лирани смотрела вслед. Если бы я знала, что вижу ее в последний раз.

Глава 9.

Карета мягко покачивалась на рессорах, и я смотрела в темноту за окном, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Лорд д'Арвиль сидел напротив, изредка поглядывая на меня с выражением, которое я не могла прочитать — то ли гордость, то ли изучение.

— Ты сегодня тихая, — заметил он на полпути. — Обычно ты болтаешь без умолку, когда мы куда-то едем.

Я заставила себя улыбнуться — той самой ленивой, капризной улыбкой, которую так хорошо копировала.

— Я просто настраиваюсь на бал, папа. Хочу произвести впечатление на графа и барона.

Он хмыкнул, но больше не сказал ни слова.

Карета остановилась перед огромным особняком, сияющим сотнями огней. Я вышла, опираясь на руку лорда д'Арвиля, и на мгновение замерла, пораженная величием здания. Оно было выше и роскошнее, чем то где проходил прошлый бал. Белые колонны уходили ввысь, а широкие двери были распахнуты настежь, впуская и выпуская гостей в пестрых нарядах и причудливых масках.

Внутри меня встретил зал, который мог бы присниться только в самом роскошном сне. Хрустальные люстры свисали с высокого потолка, рассыпая тысячи искр по мраморному полу. Стены были обиты алым бархатом с золотыми

узорами, а в каждом углу стояли огромные вазы с живыми цветами — белыми розами и лилиями, от которых исходил сладкий, чуть дурманивший аромат. Оркестр играл негромко, настраиваясь, и по залу плыли первые звуки вальса.

Дамы в роскошных платьях — изумрудных, сапфировых, золотых — скользили между колонн, их маски скрывали лица, делая всех таинственными и прекрасными. Кавалеры в темных фраках с цветными камзолами, в кружевных жабо и причудливых масках — кто-то в виде птиц, кто-то в виде зверей, кто-то просто в серебряных полумасках — стояли группами, обмениваясь любезностями и взглядами.

Я сделала шаг вперед, и лакей зычным голосом объявил:
— Леди Лирани д'Арвиль и лорд Арман д'Арвиль!

Я вздрогнула всем телом. Это имя — не мое. Оно прозвучало как пощечина, напоминая, что я здесь самозванка. Лорд д'Арвиль слегка сжал мою руку, наклонившись к уху.
— Успокойся, — шепнул он строго. — Ты дрожишь. Возьми себя в руки.

Я кивнула, расправила плечи и заставила себя улыбнуться. Мы вошли в зал, и десятки глаз обратились на нас. Вернее, на меня.

Я чувствовала их взгляды — любопытные, оценивающие, восхищенные. Алое платье притягивало внимание, как пламя — мотыльков. И среди этих мотыльков я вдруг увидела его.

Граф Норвудский стоял у камина в дальнем конце зала,

окруженный несколькими мужчинами, и подносил к губам бокал с темной жидкостью. Он был в черном фраке без единого украшения, если не считать золотой запонки на манжете, и в простой черной маске, закрывающей верхнюю часть лица. Но я узнала бы его и без маски — эти глаза, синие, как зимнее море, я запомнила навсегда. Он смотрел прямо на меня, и даже на расстоянии я чувствовала этот взгляд — тяжелый, изучающий, будто он пытается заглянуть под маску и увидеть что-то большее.

А в другом конце зала, у колонны, стоял тот, кого я надеялась не встретить. Барон Эштон Лейтер — с хищной улыбкой и горящими глазами, в бордовом камзоле и золотой маске в виде орлиной головы. Он не сводил с меня взгляда с того момента, как я вошла, и я чувствовала, как от этого взгляда по спине пробегает холодок.

Я отвела глаза и сделала вид, что поправляю маску, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Лорд д'Арвиль подвел меня к группе юных леди, стоящих у одной из колонн. Они приветствовали меня любезными улыбками и реверансами, и я машинально ответила, стараясь запомнить, кого как зовут, и не перепутать имен.

— Я оставлю тебя с леди, — сказал отец тихо. — Мне нужно переговорить с герцогом Ларсеном. Веди себя достойно.

Он удалился, и я осталась одна в кругу незнакомых девушек, которые смотрели на меня с любопытством и легкой завистью. Они говорили о платьях, о танцах, о каком-то бале у

герцогини, но я не слушала. Я краем глаза следила за залом, стараясь не потерять из виду барона.

Он двинулся вдоль стены, обходя танцующие пары, и я поняла — он идет ко мне.

— Простите, мне нужно поправить маску, — выпалила я, не дожидаясь ответа, и скользнула в сторону, надеясь затеряться в толпе.

Я почти бежала между колонн, лавируя между гостями, и уже почти добралась до боковой галереи, как вдруг чья-то рука сомкнулась на моем запястье. Резко, сильно, не давая вырваться.

— Куда же вы, леди Лирани? — раздался низкий голос у самого уха. — Я так долго искал вас.

Я обернулась, и сердце ухнуло вниз.

Барон. Он стоял передо мной, возвышаясь на целую голову, и в его глазах плясали опасные огоньки. Он не ждал ответа — он просто взял меня под руку и увлек в сторону, за тяжелую бархатную портьеру, в узкую нишу, где пахло пылью и старой тканью.

— Что вы делаете? — прошептала я, пытаюсь высвободиться. — Меня увидят...

— Никто не увидит, — он прижал меня к стене, нависая сверху. — Эта ниша — мое любимое место на балах. Уединенное, тихое. Я всегда оставляю его для самой красивой девушки вечера.

Он улыбнулся, и я увидела его зубы — белые, острые, как

у хищника.

— Сегодня эта девушка — вы.

Я вжалась спиной в холодную стену, пытаюсь отстраниться, но барон держал крепко — пальцы впились в мои запястья, прижимая их к бархату стены по обе стороны от головы.

— Отпустите меня, — процедила я сквозь зубы, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал. — Если кто-нибудь увидит...

— Я же сказал — никто не увидит. — Он усмехнулся, и в полумраке ниши его глаза блеснули, как у волка. — Вы так дрожите, леди. Неужели я внушаю вам такой страх?

— Вы внушаете мне отвращение, — выплюнула я, дёрнув запястьями, но он только крепче сжал их.

— Отвращение, — повторил он смакуя слово, будто пробуя его на вкус. — Забавно. Обычно леди говорят мне другое слово, когда я целую их.

Я вскинула подбородок.

— Тогда идите к тем леди и оставьте меня в покое.

— Но я не хочу тех леди, — его голос стал ниже, почти мурлыкающим. — Я хочу вас. И с каждой нашей встречей мне хочется вас всё сильнее. И с каждым разом вы говорите «нет» всё менее уверенно.

— Вы ошибаетесь!

— Ошибаюсь? — он склонил голову набок, и его дыхание коснулось моего лица — горячее, с лёгким запахом вина и чего-то пряного. — Тогда почему вы всё ещё здесь? Почему

не кричите? Я ведь не зажимаю вам рот. Можете позвать на помощь.

Я открыла рот — и закрыла. Потому что он был прав. Я могла закричать. Могла позвать лорда, лакеев, любого из гостей. Но мой язык прилип к нёбу, а горло сжалось, не пропуская ни звука.

— Вот видите, — прошептал он, и его лицо приблизилось. — Вы хотите этого не меньше моего.

И он поцеловал меня.

Это не был нежный поцелуй. Это был захват — требовательный, голодный, как будто он брал то, что считал своим по праву. Его губы вжались в мои, и я сжалась, упёрлась свободной рукой ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, но его тело было как каменная стена — неподвижное, горячее, пугающее.

Я замерла, ожидая, когда это закончится, когда отвращение пересилит страх, когда я соберу волю и ударю его, укушу, закричу...

Но вместо этого случилось то, чего я не ожидала.

Моё тело предало меня. Банально, как в дешёвых романах.

Где-то в глубине живота вспыхнуло тепло — крошечное, едва заметное, но оно росло с каждым мгновением, разливаясь по венам, заставляя пальцы разжаться, а ладони — коснуться его груди уже не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы удержаться. Я не понимала, что происходит. Я ненавидела

его. Я должна была ненавидеть его. Но мои губы дрогнули, приоткрылись, отвечая на поцелуй — сначала робко, неуверенно, а потом всё смелее, и я услышала свой собственный тихий вздох, сорвавшийся с губ в его рот.

— Вот так, — выдохнул он, отрываясь от моих губ на мгновение, и его дыхание обожгло мою шею, ключицу, — вот так, звёздочка моя.

Он поцеловал меня снова, и его руки скользнули по моей талии, прижимая меня к себе так тесно, что я чувствовала биение его сердца — или это моё билось так громко, что заглушало всё вокруг? Я запуталась. Я тонула в этом поцелуе, в его запахе, в тепле его рук на моей спине, в ощущении его губ на моей шее, на ключице, на плече, куда сползла бретелька платья...

И в этот миг он замер.

Он отстранился ровно настолько, чтобы видеть моё лицо, и его взгляд остановился на моём виске — как раз над левой бровью. Его пальцы, ещё мгновение назад гладившие мою шею, коснулись этого места — осторожно, почти невесомо, как будто он проверял, не померещилось ли ему.

— Что это? — спросил он тихо, и в его голосе исчезла вся игривость. Он звучал серьёзно. Напряжённо.

— Что — «что»? — я моргнула, пытаюсь вернуть себе способность соображать. — Ничего. Вы опять ищете повод...

— Нет. — Он провёл пальцем по моему виску, и я почувствовала лёгкое прикосновение к коже. — У тебя здесь... Я

не знаю. Рисунок ? Шрам? — Он прищурился, вглядываясь. — Странная. Похожа на... Нет, не может быть.

— О чём вы? — я дёрнулась, пытаюсь высвободиться, но он держал крепко, всматриваясь в моё лицо с новым выражением — не хищным, а озадаченным, почти испуганным.

— Покажи мне, — сказал он вдруг, и потянулся к моей маске.

— Нет! — я ударила его по руке, и он, кажется, опешил от неожиданности. Этого мгновения мне хватило, чтобы вырваться.

Я отскочила от него, поправила бретельку, дрожащими руками одёрнула платье. В голове стучало: *«Беги. Беги сейчас же»*.

Я выскочила из ниши, едва не споткнувшись о подол, и побежала через зал, расталкивая гостей, не разбирая дороги. Я слышала, как он окликнул меня — «Лирани!» — но я не обернулась.

Я влетела в дамскую уборную, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле.

В уборной было тихо. Пахло духами и мылом. Горели свечи в серебряных канделябрах, отражаясь в больших овальных зеркалах. Я подошла к одному из них и уставилась на своё отражение.

Алое платье — в идеальном порядке, будто и не было этой схватки. Маска сидит ровно. Но мои глаза... Я не узнавала

их. В них горело что-то чужое — тёмное, голодное, то, что проснулось внутри меня в тёмной нише после его поцелуев.

«Что со мной?»

Я коснулась пальцами виска — того места, которое он трогал. Кожа была гладкой. Ничего необычного. Ни шрама, ни рисунка, который он увидел. Я повертела головой, вглядываясь в зеркало, но не увидела ничего, кроме собственных растрёпанных волос и бледного лица.

Он что-то увидел. Но что?

Или это была уловка? Способ сбить меня с толку, заставить снять маску?

Я сжала край раковины, чувствуя, как дрожат руки.

«Возьми себя в руки, — приказала я себе. — Ты — Лирани. Ты здесь, чтобы продержаться до полуночи. А потом — вернуться домой и забыть этот вечер, как страшный сон».

Я глубоко вздохнула, поправила маску, пригладила волосы.

Но когда я опустила взгляд на свои руки — они всё ещё дрожали. И на губах, стёртый, но всё ещё ощутимый, остался вкус его поцелуя.

Я стояла перед зеркалом, глядя на своё отражение, и считала про себя до десяти. Потом до двадцати. Потом ещё раз, медленнее, заставляя дыхание выровняться, а пальцы — перестать дрожать.

«Ты — леди Лирани д'Арвиль. Ты — на балу. Ты должна вернуться в зал, улыбаться, танцевать и делать вид, что

ничего не случилось».

Я поправила маску, убедилась, что бретелька сидит надёжно, и коснулась виска — в последний раз. Кожа была чистой, гладкой, ничем не примечательной. Что он там увидел? Или просто хотел, чтобы я поверила в его растерянность и ослабила хватку?

Я выдохнула и открыла дверь.

Музыка хлынула на меня, как тёплая волна — оркестр играл вальс, и пары кружились по залу, сверкая платьями и масками. Я сделала шаг, второй, стараясь держать спину прямо, а лицо — безмятежным.

— Леди Лирани.

Голос раздался совсем рядом — низкий, спокойный, с бархатными нотками, от которых по спине пробежал холодок, но совсем не такой, как от голоса барона. Другой. Более... глубокий.

Я подняла глаза.

Граф Норвудский стоял передо мной, и в свете люстр его тёмные волосы отливали синевой, а синие глаза смотрели на меня из-за чёрной маски с выражением, которое я не могла расшифровать. Он был высок — выше, чем я помнила, — и в своём строгом чёрном фраке казался скалой среди пёстрых нарядов гостей.

— Позвольте пригласить вас на танец? — спросил он, и это не было вопросом. Это было утверждение, облачённое в форму вежливости.

Я открыла рот, чтобы отказаться. Чтобы сказать, что устала, что мне нужно найти отца, что кружится голова — любой предлог, лишь бы скрыться, спрятаться, прийти в себя после того, что случилось в нише.

Но в этот момент я краем глаза увидела его.

Барон Лейтер вышел из-за колонны и направился прямо к нам. Его взгляд был прикован ко мне — горящий, хищный, и на губах играла та самая улыбка, от которой у меня внутри всё сжималось.

— Я... — начала я, но граф перехватил мой взгляд, проследил за ним и, кажется, понял всё без слов.

Не оборачиваясь, он взял мою руку и, прежде чем я успела возразить, повлёк меня в круг танцующих.

— Вы не против? — спросил он, уже ведя меня в вальсе, и в его голосе промелькнула едва заметная усмешка. — Простите, что не дал вам ответить. Но мне показалось, что вы предпочтёте моё общество обществу барона Лейтера.

Я не ответила, потому что не могла. Его ладонь лежала на моей талии — большая, тёплая, уверенная. И от этого прикосновения по всему телу разлилось то же странное тепло, что я чувствовала в нише с бароном, но иначе — глубже, чище, без той липкой, пугающей примеси.

— Откуда вы знаете, кого я предпочитаю? — выговорила я наконец, когда мы сделали круг.

— Я много чего знаю, леди Лирани. — Он склонил голову, и я почувствовала его дыхание у своего виска. На мгно-

вание он замер, будто приплюхиваясь, и его ноздри едва заметно дрогнули. — Вы сегодня что-то пили? Или это духи?

— Что? Я не использую духи, — я моргнула, сбитая с толку. — Нет. Только лимонад в начале вечера, но...

— Странно, — перебил он тихо, и его голос стал задумчивым, почти отсутствующим. — От вас пахнет... нет, не важно. Наверное, показалось.

Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. А я вдруг поймала себя на том, что смотрю на его губы. И что моё сердце бьётся быстрее, чем того требует вальс.

«Что со мной? Почему я реагирую на него так же, как на барона? Только кажется еще сильнее.»

— Вы дрожите, — заметил он, и его рука на моей талии чуть сжалась. — Вам холодно?

— Нет, — ответила я слишком быстро. — Мне... душно. Я бы хотела выйти на балкон.

— Я провожу вас.

Он не стал дожидаться ответа. Он плавно вывел меня из круга танцующих, не отпуская руки, и повёл через зал к боковой двери, которая вела, как я думала, на балкон.

Но когда мы вышли, я поняла, что ошиблась.

Вместо балкона передо мной открылся сад — тёмный, залитый лунным светом, с узкими мощёными дорожками, выющимися между высоких стриженных кустов. Вдалеке виднелась белая беседка, увитая плющом, и фонари на высоких ножках отбрасывали мягкий золотистый свет на гравий до-

рожек.

— Это не балкон, — сказала я, останавливаясь.

— Я знаю. — Граф обернулся ко мне, и лунный свет упал на его лицо, высветив резкие скулы и тень под маской. — Но там, на балконе, слишком много людей, которые любят подслушивать. А я хотел бы поговорить с вами наедине.

— Мы не знакомы настолько, чтобы говорить наедине, — ответила я, и мой голос прозвучал слабо и неуверенно.

— Мы могли бы познакомиться ближе, — он сделал шаг ко мне. — Если бы вы позволили.

Я попятилась и — сама не зная зачем — пошла по дорожке вглубь сада, в сторону беседки. Может быть, я надеялась, что там найду выход из этого странного наваждения. Может быть, я просто хотела убежать от того, что происходило у меня внутри.

Граф шёл за мной, неспешно, не приближаясь, но и не отставая.

Я вошла в беседку — и поняла, что это ловушка. Высокие стены из живой изгороди окружали её со всех сторон, скрывая от глаз любого, кто оказался бы в саду. Внутри стояла скамья, увитая плющом, и маленький столик с оставленным кем-то бокалом.

Я обернулась, чтобы выйти, но граф уже стоял на пороге.

— Вы не хотите со мной говорить, — сказал он, и в его голосе не было угрозы. Только констатация. — Тогда, может быть, вы хотите помолчать?

Он шагнул ко мне, и я не отступила. Я не могла. Мои ноги словно приросли к каменному полу беседки, а сердце кололось где-то в горле, заглушая шум ветра в листве.

Он наклонился, и я почувствовала его дыхание на своих губах.

— Вы пахнете звёздами, — сказал он тихо. — И чем-то... древним. Я не знаю, что это, — он на мгновение прикрыл глаза, будто пробуя воздух на вкус, — но я хочу узнать вас ближе, чем просто в танце.

И он поцеловал меня.

Это было не так, как с бароном. Не было напора, не было голода. Это было осторожно — сначала, будто он пробовал, ждал, не оттолкну ли я его. А потом, когда я не оттолкнула — когда мои руки сами собой легли на его плечи, а пальцы сжали тёплую ткань фрака, — поцелуй стал глубже. И теплее. И правильнее.

Я чувствовала, как тает где-то внутри тугой узел, который сжимался всё это время. Чувствовала, как мои губы отвечают ему — сами, без приказа, без страха. Как мне хочется прижаться ближе, вдохнуть его запах, забыть всё, что было до этого мгновения.

«*Что со мной?*» — мелькнула мысль, но она утонула в тепле его рук, в мягком свете фонарей за живой изгородью, в шуме крови в ушах.

Я не понимала, что происходит. Но моё тело знало ответ — и отвечало ему так, будто ждало этого поцелуя всю жизнь.

Его объятия сомкнулись вокруг меня, превращая прежнюю осторожность в нечто неумолимое. Одна рука плотно обвила талию, прижимая меня к твердой линии его тела, вторая скользнула к затылку, пальцы впутались в мои скрученные в причёску волосы.

— Перестань бороться с этим, — его шепот обжигал ухо, горячий и влажный. — Ты станешь идеальной. Моей идеальной женой. Графиней Норвудской. Я всё видел — твоего отца, его долги, ваше пошатнувшееся положение. Перестань противиться. Я всё улажу. Ни тебе, ни ему больше никогда ни в чём не будет нужды.

Его слова плыли сквозь туман, окутывавший мой разум. Они звучали как обещание спасения для Лирани, но что-то в их интонации, в этой железной уверенности, леденило душу.

— Нет... подождите... мы... я не могу... — мои собственные слова были бессвязным бормотанием, слабым протестом, который тонул в поцелуях, которые он теперь оставлял на моей шее, на линии челюсти. Он словно не слышал меня. Или слышал, но его собственное намерение, его желание были столь сильны, что превращались в наваждение, в непреложную истину, против которой мои жалкие «нет» ничего не значили.

Его губы коснулись виска — того самого места, которого я бессознательно касалась раньше. Он вдруг резко отпрянул, разомкнув объятия, но не отпуская меня. Его пальцы грубо отодвинули прядь волос. В свете луны, падавшем сквозь

плющ, его лицо исказилось. Все прежние бархатные нотки исчезли из его голоса, сменившись ледяным, потрясенным изумлением.

— Этого... не может быть.

Он уставился на мой висок, и в его синих пронзительных глазах, заплясали искры чего-то дикого, почти безумного. Не любопытства, а шока, смешанного с жадным, пугающим интересом. Он увидел то, чего не должен был видеть. Того же что увидел и барон. Вот только я не знала, что это такое, а незнание пугало сильнее всего.

Этот взгляд, этот напор, эти странные слова — всё слилось воедино и прорвало оцепенение. Страх, холодный и ясный, хлестнул по жилам, смывая остатки тепла и головокружения. Я рванулась, вывернувшись из его ослабевшей на миг хватки.

— Оставьте меня!

Мой крик прозвучал хрипло и неубедительно. Я не стала ждать ответа. Подхватив тяжёлые складки платья, я выпорхнула из беседки, как испуганная птица, и бросилась бежать по тёмной дорожке обратно к дому.

Гравий хрустел под тонкими подошвами туфель, ветер свистел в ушах. Я не оглядывалась, но чувствовала его взгляд у себя на спине — тяжёлый, горящий. Я бежала, спотыкаясь, сердце колотилось так, словно рвалось наружу. Силуэты кустов по бокам казались сдвигающимися тенями, готовыми протянуть цепкие ветви.

Свет из окон бального зала, яркий и призывный, стал маяком. Музыка, раньше казавшаяся далёкой, теперь нарастала с каждым шагом. Ещё немного. Только бы добежать до двери, до людей, до света, где это странное ночное наваждение, эта череда поцелуев и безумных взглядов, потеряет свою власть.

Я влетела на террасу, едва не сбив с ног пару влюблённых, шептавшихся в тени. Не извинившись, проскользнула в распахнутые стеклянные двери. Тёплый, насыщенный запахами духов, вина и воска воздух бала обволок меня, но не принёс облегчения. Я стояла, прислонившись к косяку, пытаюсь перевести дух, чувствуя, как взгляд графа всё ещё жжёт мою кожу сквозь стены и расстояние, а на виске, под прикосновением его пальцев, будто остался шрам.

— Лирани!

Голос лорда прозвучал так неожиданно и так резко, что я вздрогнула всем телом. Лорд д'Арвиль возник передо мной словно из ниоткуда — его лицо было бледным, глаза горели каким-то лихорадочным, незнакомым мне светом. Он схватил меня за запястье, и его пальцы впились в кожу с такой силой, что я вскрикнула.

— Отец, что вы...

— Молчи, — оборвал он меня и, не обращая внимания на удивлённые взгляды гостей, потащил меня обратно к той самой двери, через которую я только что вбежала.

— Отец, нет! — Я попыталась вырваться, но его хватка

была железной. — Там граф Норвудский! Он... я от него убежала, он в саду, он...

— Тем лучше, — процедил лорд д'Арвиль сквозь зубы, и в его голосе послышалась такая злоба, что я замолчала на полуслове. — Тем лучше.

Он выволок меня на террасу, прочь от света, прочь от музыки. Ночной воздух снова ударил в лицо, но теперь он не казался свежим — он был холодным, липким, как мокрая ткань. Мы спустились с террасы в сад, и отец резко остановился, развернув меня к себе.

— Покажи, — приказал он, и в его голосе дрожала какая-то странная нотка, похожая на страх. Или на жадность.

— Что показать? — прошептала я, чувствуя, как внутри всё леденеет.

Он не ответил. Вместо ответа он рванул мою маску — грубо, не церемонясь, так что заколки впились в кожу, а волосы рассыпались по плечам. Я ахнула, отшатываясь, но он уже вцепился в мой подбородок, поворачивая моё лицо к лунному свету, и его взгляд сфокусировался на виске.

Я увидела, как меняется его лицо.

Сначала — непонимание. Потом — изумление. А потом — ужас, такой глубокий и такой древний, что мне показалось, будто я смотрю в бездну.

— Саша?! — выдохнул он, и его рука, державшая мой подбородок, дрогнула. — Как... хотя я понимаю как.

Сердце пропустило удар. А потом рухнуло куда-то вниз, в

холодную, чёрную пустоту.

— Позвольте мне все объяснить, — мой голос сорвался.
— Лирани, она попросила меня...

— Заткнись, — рявкнул он, встряхнув меня так сильно, что зубы лязгнули. — Закрой лицо маской и пошла быстро за мной. Поняла?

Я лишь кивнула испуганно в ответ и постаралась взять себя в руки.

Дрожащими пальцами нацепила маску обратно, стараясь не думать о том, что будет дальше. Лорд д'Арвиль уже шёл вперёд, не оглядываясь, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Мы пересекли бальный зал. Я чувствовала на себе взгляды — любопытные, оценивающие, насмешливые. Кто-то шептался за спиной, кто-то провожал нас удивлённым прищуриванием. Я шла, глядя прямо перед собой, стараясь держать спину ровно, как учила меня Лирани. «Ты — леди. Ты никому не обязана отчитываться. Ты выше их сплетен».

Но внутри меня всё дрожало.

Лорд д'Арвиль остановился у выхода, бросил несколько слов лакею, и уже через минуту я стояла на улице, вдыхая холодный ночной воздух, пока слуга распахивал дверцу кареты. Лорд жестом приказал мне забираться внутрь, и я повиновалась.

Карета тронулась почти сразу, и мы погрузились в темноту и тишину, нарушаемую только стуком копыт по мостовой

и мерным покачиванием рессор. Я сидела напротив лорда, сжимая в руках перчатки, и чувствовала, как маска давит на лицо, напоминая о том, что я — самозванка.

— Сними, — приказал он, не повышая голоса.

Я медленно подняла руки и отстегнула маску. Она упала мне на колени, лёгкая и бесполезная, как моя ложь.

Лорд д'Арвиль смотрел на меня в упор. В свете уличных фонарей, мелькавших за окном, его лицо казалось высеченным из камня — жёстким, непроницаемым. Только глаза выдавали его: в них горела холодная ярость.

— Рассказывай, — скомандовал он. — Всё. С самого начала. И не смей врать.

Глава 10.

То, что происходило дальше, было похоже на театр абсурда — дурной сон, из которого я никак не могла проснуться. В карете, под мерный стук копыт и покачивание рессор, я рассказала всё. Голос срывался, слова путались, но я говорила, цепляясь за надежду, что правда сможет меня спасти.

Я рассказала про Лирани — как она пришла ко мне с просьбой заменить ее на этом балу, так как на представлении меня и так все приняли за нее. Я пыталась скрыть, что она влюблена, объяснив, причину подмены страхом перед балом и предстоящим замужеством. Говорила о том, что она боялась лорда д'Арвиля, что он выдаст её замуж за графа Норвудского, к которому она не питала ничего, кроме отвращения.

— Она просила меня занять её место всего на один вечер, — говорила я, сжимая перчатки так, что побелели костяшки. — Всего на один бал. Она не хотела вас обманывать, она просто...

Я пыталась скрыть её влюбленность, смягчить, представить это как минутную слабость, как глупую девичью прихоть. Но лорд смотрел на меня с такой ледяной проницательностью, что я понимала — о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.